

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

СЕКРЕТНЫЙ ПАЛОМНИК

Часть сборника: Маленький городок в Германии. Секретный паломник (сборник)

Джордж Смайли

Джон Ле Карре
Секретный паломник

«АСТ»

1990

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Ле Карре Д.

Секретный паломник / Д. Ле Карре — «АСТ»,
1990 — (Джордж Смайли)

Ветеран британских спецслужб времен «холодной войны» Нед, пригласив на встречу с курсантами легендарного Джорджа Смайли, вместе с ним вспоминает самые интересные эпизоды, имевшие место во время их «тайной службы Ее Величеству». Истории, в которых опасные операции соседствуют с забавными событиями, трагедия порой обращается в фарс, а мелкие ошибки приводят к самым невероятным последствиям.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Ле Карре Д., 1990
© АСТ, 1990

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джон Ле Карре

Секретный паломник

John le Carré
The Secret Pilgrim

© Le Carré Productions, 1968
© David Cornwell, 1991, 2001
© Перевод. И. Л. Моничев, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Глава 1

Позвольте сразу признаться: если бы я не поддался случайному импульсу, не взялся за перо и не нацарапал записку Джорджу Смайли, приглашая его выступить на вечере выпускников моего курса, завершивших программу предварительного обучения, и если бы Смайли, вопреки моим ожиданиям, не принял приглашения, я бы не был сейчас с вами столь откровенен.

В лучшем случае я предложил бы ту же версию основательно «вычищенных» воспоминаний, которую, честно говоря, сам почти всегда склонен рассказывать своим ученикам: истории о подвигах «рыцарей плаща и кинжала», о драматических ситуациях, о чудесах находчивости и отваги. И конечно, непременно об исключительной пользе их деятельности. Я увлек бы вас подробностями ночных десантов на Кавказе, опасных переправ на скоростных катерах, высадок на пляжах с мигающими сигнальными огнями на берегу, тайных сеансов радиосвязи, внезапно обрывавшихся на самом важном месте. Поведал бы о неизвестных героях «холодной войны», внесших в нее с нашей стороны огромный вклад, а потом скромно доживавших своей век рядовыми и незаметными членами того самого общества, которое защищали. Об агентах-перебежчиках, вырванных в последний момент буквально из уже смыкавшихся хищных челюстей противника.

Причем до известной степени именно такую жизнь мы и вели, здесь все без обмана. В свое время мы творили всякое, и некоторым даже удалось благополучно выбраться из опасных переделок. Мы отправляли хороших людей в скверные страны, где они по нашему приказу рисковали жизнью. И, как правило, это были надежные люди, а информация, добытая ими, зачастую оказывалась очень полезной. По крайней мере, хочется верить в это, поскольку величайший в мире шпион ничего не стоит, если его сведения оказываются никому не нужными.

А чтобы увенчать свое повествование, сдобрив его долей юмора за вторым стаканчиком виски в столовой для курсантов на испытательном сроке, я выбрал бы случай, когда разведгруппа в составе трех человек из Цирка¹, действовавшая на территории Восточной Германии и по чистой случайности ведомая мной, замерзала, лежа в расщелине гор Гарца, молясь о бесшумном появлении самолета без опознавательных знаков и с выключенными двигателями, с которого нам бы сбросили на черном парашюте жизненно необходимый груз. И что же мы обнаружили после того, как наши молитвы были услышаны, соскользнув вниз по леднику и подобрав упавшее с неба сокровище? Камни, сообщил бы я своим ученикам, слушавшим меня разинув рты. Куски хорошего аргайлского гранита. Потому что безалаберные снабженцы с нашей авиабазы в Шотландии по ошибке отправили нам контейнер, предназначенный для тренировок.

Во всяком случае, эта история неизменно вызывала подлинный интерес, в то время как многие другие мои воспоминания слушали вполуха уже начиная с середины.

Как я теперь подозреваю, порыв написать Смайли созрел во мне дольше, чем сознавал я сам. Идея зародилась во время одного из регулярных визитов в отдел кадров для обсуждения прогресса, достигнутого моими курсантами. Заглянув в бар для старшего офицерского состава на сэндвич и кружку пива, я столкнулся с Питером Гилламом. Именно Питер когда-то играл роль Уотсона при Джордже – Шерлоке Холмсе – во время длительных поисков

¹ В ранних романах Ле Карре штаб-квартира британской разведки якобы располагалась на Кембриджской площади в Лондоне, а поскольку слова «площадь» и «цирк» в английском языке созвучны, называя так свое учреждение, его сотрудники не обязательно и далеко не всегда вкладывали в название негативный смысл.

внедрившегося в Цирк предателя, которым оказался глава нашего оперативного отдела Билл Хэйдон. Питер не получал известий от Джорджа... О, примерно с год или даже дольше. Джордж купил себе коттедж в глуши на севере Корнуолла, сказал он, где в полной мере мог проявить свою нелюбовь к любым телефонным звонкам. Ему предоставили нечто вроде синекуры в виде внештатного преподавателя университета Эксете́ра, что открывало доступ в их библиотеку. С грустью я мысленно дорисовал картину: Джордж, живущий отшельником среди окрестных пустошей, отправляется на одинокие прогулки, погруженный в размышления. Джордж посещает Эксете́р, чтобы ощутить хотя бы немного человеческого тепла, необходимого даже в старости, но уже дожидается момента, чтобы занять свое место в шпионской Вальгалле.

– А где же Энн, его жена? – спросил я у Питера, понизив голос, как делал всякий раз при упоминании имени Энн, поскольку ни для кого не был секретом факт, причинивший Джорджу такую боль. Дело в том, что Билл Хэйдон вошел в число ее многочисленных любовников.

– Энн? Ее ничем не проймешь, – ответил Питер, пожав плечами на галльский манер. – Она поддерживает иллюзию сохранения семьи и владеет большими домами в Хелфорд-Эстуари. Часть времени проводит там, а иногда навещает Джорджа.

Я попросил адрес Джорджа. «Только не говори ему, кто дал тебе адрес», – сказал Питер, пока я его записывал. Почему-то с Джорджем всегда так получалось – ты чувствовал себя виноватым, раскрывая кому-то его местонахождение, причем по совершенно неясным мне до сих пор причинам.

Через три недели к нам в Саррат, графство Хартфордшир, прилетел Тоби Эстерхази, чтобы прочитать свою знаменитую лекцию об искусстве нелегальной работы разведчика во враждебной стране. И, разумеется, остался к обеду, ставшему для него особенно привлекательным благодаря присутствию наших первых трех курсанток. После изнурительной битвы, продолжавшейся все время, пока я находился в Саррате, мной была одержана победа, и отдел кадров наконец принял решение, что девушек тоже можно включать в состав учебных групп.

И я сам упомянул тогда о Смайли.

Бывали времена, когда я не пустил бы Тоби на порог своей хижины в разгар тропического ливня, а порой я благодарил Создателя, что он на моей стороне. Но с годами, замечу не без удовлетворения, начинаешь терпимее относиться к людям.

– О боже мой, Нед! – воскликнул Тоби, так и не избавившийся от неизлечимого венгерского акцента, приглаживая тщательно ухоженную серебристую шевелюру. – Ты хочешь сказать, что ничего еще не слышал?

– Не слышал о чем? – без особого любопытства или нетерпения спросил я.

– Мой дорогой друг, наш Джордж стал председателем Комитета по правам на рыбную ловлю. До вас сюда, как я понимаю, вообще никакая информация не доходит. Кстати, мне, должно быть, следует поднять эту тему в разговоре с глазу на глаз с самим Шефом. Шепну ему словечко на ухо в клубе.

– Но не мог бы ты сначала рассказать мне, что такое Комитет по правам на рыбную ловлю? – попросил я.

– Знаешь, Нед, я вдруг немного занервничал. А тебя не вычеркнули из списка допуска?

– Не исключено, если подумать, – сказал я.

Но он так или иначе все выложил, как я и предполагал. Мне же оставалось лишь изобразить ожидавшееся от меня изумление, от которого его ощущение важности собственной персоны еще более усилилось. Но в известной степени мое удивление оказалось искренним, и, пожалуй, я до сих пор не совсем справился с ним. Комитет по правам на рыбную ловлю, объяснил Тоби для непосвященных, стал неофициальной организацией, состоявшей

из офицеров московского Центра и нашего Цирка. Ее задачей, по словам Тоби, который, как мне показалось, окончательно лишился способности чему-то поражаться, было определение разведывательных целей, представлявших интерес для обеих секретных служб, и выработка системы обмена информацией.

– В общем виде идея заключается в том, Нед, чтобы выявлять в мире потенциальные точки напряженности, – продолжал он с невыносимо снисходительной интонацией. – Думаю, в первую очередь внимание сосредоточено на Ближнем Востоке. Но только не вздумай ссылаться на меня, Нед, договорились?

– И ты хочешь сказать, что Смайли назначен председателем этого комитета? – спросил я недоверчиво, все еще пытаюсь переварить новость.

– Вероятно, он пробудет им недолго, Нед, все-таки Джордж уже в почтенном возрасте, сам понимаешь. Но русским до такой степени хотелось с ним познакомиться, что мы пригласили его и дали, образно выражаясь, разрезать ленточку. «Почему бы не приободрить старика? – посчитал я. – Не погладить по головке? Не вручить пачку купюр в конверте?»

И я уже не понимал, чему удивляться больше: тому, что Тоби Эстерхази допустили к самому алтарю московского Центра, или же Джорджу Смайли в роли главы столь необычного союза. Несколько дней спустя с разрешения кадровиков я и отправил письмо на адрес в Корнуолле, полученный от Гиллама, застенчиво добавив, что если Джордж ненавидит публичные выступления хотя бы отчасти так, как я, ему ни в коем случае не следует принимать приглашение. Какое-то время я испытывал полнейший пессимизм, пока не прибыла простая открытка, где говорилось, что он с радостью навестит нас. После чего я сам почувствовал себя кем-то вроде практиканта, не в меру разнервничавшись.

Прошло еще две недели, и я в новом костюме, надетом по такому случаю, стоял на Паддингтонском вокзале, наблюдая, как выдавшие виды поезда высаживают на перроны немало повидавших пассажиров. Только тогда я в полной мере осознал, до какой степени неброской внешностью обладал Смайли, как умел сливаться с толпой. Куда бы я ни посмотрел, мне начинало мерещиться, что я вижу одну из возможных его ипостасей: невысокий, плотный джентльмен в очках, достаточно преклонных лет. А один из похожих на Джорджа людей даже произвел на меня впечатление, какое мог бы, наверное, произвести он сам, – человека, немного опаздывающего куда-то, где ему не слишком хотелось побывать. А затем совершенно внезапно мы обменялись рукопожатиями, и он расположился рядом со мной на заднем сиденье предоставленного конторой «ровера», еще более коренастый, чем запомнился мне, вполне ожидаемо совершенно седой, но исполненный энергии и в отменном настроении, какого я не замечал за ним с тех пор, как его жена пустилась в безрассудный роман с Хэйдоном.

– Так, так, Нед. И каково вам быть простым школьным учителем?

– А каково быть в отставке? – парировал я со смехом. – Я ведь скоро присоединюсь к вам.

О, ему очень нравилось быть пенсионером, заверил меня Смайли.

– Не устаю наслаждаться, – произнес он с кривой усмешкой. – И вам тоже не стоит опасаться жизни отставника. Немного преподаю, Нед, порой пишу какие-то бумаги, гуляю. Даже завел собаку.

– Но, как я слышал, вас снова вытащили на службу для работы в некоем весьма необычном комитете, – сказал я. – Ходят слухи, что вы подружились с Медведем, чтобы поймать Багдадского вора.

Джордж не любил сплетен, но на этот раз его улыбка стала еще шире.

– Вот оно как, значит. А источником информации послужил Тоби, в чем не приходится сомневаться, – заметил он, с довольным видом всматриваясь в заурядный пригородный пейзаж, но тут же увел разговор в сторону, пустившись в рассказ о двух пожилых леди из сво-

его городка, которые ненавидели друг друга. Одна была хозяйкой антикварного магазина, вторая – просто очень богата.

Но пока наш «ровер» катил по равнине прежде густонаселенного Хартфордшира, я поймал себя на том, что мои мысли занимают не столько старушки из деревни Джорджа, сколько он сам. Мне чудилось, будто рядом сидит заново рожденный Смайли. Человек, легко болтавший о каких-то соседках, заседавший в одном комитете с русскими шпионами и смотревший на окружающий мир с жадным любопытством только что выписавшегося из больницы пациента.

Тем же вечером затянутый в старенький смокинг этот новый Смайли занял место подле меня за столом в Саррате, добродушно оглядываясь по сторонам, останавливая взгляд то на отполированных до блеска серебряных подсвечниках, то на старых групповых фотографиях по стенам, сделанных в какие-то незапамятные времена. И конечно же, на пышущих здоровьем лицах молодой аудитории, ловившей каждое слово маэстро.

– Леди и джентльмены, позвольте вам представить мистера Джорджа Смайли, – объявил я строго и немного торжественно, поднявшись со своего стула. – Это воистину легендарная личность в нашей организации. Заранее благодарю за оказанное ему внимание.

– О, я бы не стал причислять себя к легендарным персонам, – возразил Смайли, тоже вставая. – самого себя я вижу располневшим пожилым мужчиной, случайно заглянувшим сюда между пудингом и портвейном.

Затем легенда заговорила, и я понял, что никогда прежде не слышал, как Смайли выступает публично. Мне он почему-то представлялся заведомо плохим оратором. Ведь ему почти никогда не удавалось вслух навязывать окружающим свое мнение или обращаться к агенту, используя не кодовое, а настоящее имя даже при вполне благоприятных обстоятельствах. А потому властная манера, в которой он обратился к нам, поразила меня еще до того, как я начал вникать в смысл его слов. Слушая первые фразы, я видел лица своих подопечных – далеко не всегда столь почтительных, – которые сначала обратились в его сторону, потом расслабились и озарились интересом. Он быстро завладел их вниманием, затем доверием и, наконец, добился полного одобрения всего им сказанного. И я снова подумал, внутренне посмеявшись над своей замедленной реакцией: да-да, разумеется, сейчас перед нами раскрылась вторая и подлинная сторона характера Джорджа. В нем вдруг проявился прятанный до поры актер, подлинный сказочный музыкант-крысолов. Это его полюбила Энн Смайли, его обманул Билл Хэйдон, а мы все слепо следовали за ним, когда ему это требовалось, что всегда поражало сторонних наблюдателей как нечто мистическое.

У нас в тренировочном лагере в Саррате издавна заведена мудрая традиция. Речи, произносимые за ужинами, не записываются, не разрешено также делать кратких заметок, чтобы в дальнейшем не существовало никакого официального подтверждения того, о чем говорил выступавший. Почетный гость мог в таком случае наслаждаться тем, что Смайли, склонный к немецким идиомам, назвал бы «свободой для дурака», хотя сам принадлежал к редкой категории людей, никак не нуждавшихся в подобной привилегии. Однако я не был бы настоящим профессионалом, если бы не умел слушать и запоминать. Смайли не успел еще закончить вступительную часть речи, когда я осознал (как вскоре заметили и мои курсанты), что он обращается в первую очередь к моему сердцу еретика. Я имею в виду другого, не столь легко управляемого человека, затаившегося в недрах моего существа, которого, если не кривить душой, я изо всех сил пытался не замечать с тех пор, как вышел на финишную прямую своей карьеры. Я имею в виду тайного, задававшего слишком много вопросов неудобного компаньона, поселившегося во мне еще то того, как мой агент под псевдонимом Барли Блэйр сначала с такой неохотой ушел на другую сторону начавшего рассыпаться

«железного занавеса», а потом, побуждаемый любовью и своеобразным понятием о чести, хладнокровно продолжал идти дальше, к величайшему изумлению всего Пятого этажа².

Об отделе кадров мы говорим так: чем лучше ресторан, тем хуже новости.

– Для тебя настало время передавать свой опыт новым парням, Нед, – сказал мне главный кадровик за подозрительно вкусным обедом в «Конноте». – И новым девушкам тоже, – добавил он с отвратительной ухмылкой. – Как я догадываюсь, их скоро начнут допускать в наш прежде чисто мужской храм. Ты знаешь дело от и до. Основательно поварился в общем котле. Отлично проявил себя на последней должности, возглавляя секретариат. Теперь нужно извлечь из всего этого максимальную пользу. Мы считаем, ты должен возглавить «детский сад» и, так сказать, передать эстафетную палочку будущему поколению разведчиков.

Насколько я помнил, он использовал тот же набор набивших оскомину спортивных метафор, когда после предательства Барли Блэйра снимал меня с поста главы Русского дома и переводил на «живодерню» – в группу по проведению допросов.

Он заказал еще два бокала арманьяка.

– Между прочим, как поживает твоя Мейбл? – спросил он так, словно только что вспомнил о ее существовании. – Мне говорили, она довела свой гандикап до минус двенадцати или десяти³. Боже! В таком случае мне с ней лучше не тягаться. Так что скажешь? Саррат по рабочим дням и дом в Танбридж-Уэллсе по выходным. Мне это представляется триумфальным завершением карьеры. Как сам считаешь?

А что мне оставалось? Что я мог сказать? Я был как все, уже оказывавшиеся в моем положении. Те, кто способен работать, делают дело. Неспособные становятся учителями. И учат тому, что им уже больше не дано самим, поскольку либо тело, либо дух, либо и то и другое утратили нечто необходимое для реализации своего предназначения. Потому что чересчур много испытали, слишком многое в себе подавляли, излишне часто шли на компромиссы, а в результате полностью утратили чутье и вкус к активной деятельности. И потому эти люди соглашаются попытаться воспламенить своей прежней мечтой другие умы, чтобы, быть может, самим немного согреться рядом с пылкой молодежью.

И это возвращает меня к вступительной части речи Смайли, произнесенной тем вечером, потому что совершенно внезапно его слова затронули меня и запали в душу. Я пригласил его, поскольку он был легендой из прошлого. А он, к величайшей для всех нас радости, оказался иконоборцем и пророком.

Не стану утомлять вас пересказом даже самых интересных мест первой части речи Смайли, ставшей обзором положения в мире. Он говорил о Ближнем Востоке, о котором явно много размышлял, а потом перешел к пределам власти бывшей колониальной державы во времена, когда колониализм почти полностью ушел в прошлое. Он поделился с моими курсантами своим взглядом на Третий мир, на Четвертый мир и на пока не существовавший, гипотетический Пятый мир, причем крамольно подвергал сомнению, что человеческие страдания и нищета действительно всерьез беспокоят богатые и просто более благополучные нации. Впрочем, не подвергал сомнению, а был твердо убежден, что не беспокоят ни в малейшей степени. Он посмеялся над мыслью, что шпионаж становился отмиравшей профессией после окончания «холодной войны». Напротив, настаивал он, с появлением из-под слоя льда каждой новой нации, с созданием новых объединений и союзов, с возрождением уже забытых было конфликтов и страстей, с эрозией прежнего status quo шпионам при-

² В романах Ле Карре нередко ссылается на события, описанные в своих более ранних произведениях. В данном случае речь идет о книге «Русский дом».

³ В гольфе это означает, что игрок проходит все лунки, сделав на двенадцать ударов меньше, чем установлено как норма для конкретного игрового поля.

дется трудиться не покладая рук круглые сутки. Как я потом выяснил, его речь продолжалась вдвое дольше обычной, но за все это время ни один стул не скрипнул, не зазвенел ни один бокал. А потом его уговорили перейти в библиотеку и усадили в почетное кресло – своего рода трон, стоявший у камина, – чтобы опять слушать те же еретические высказывания, те же мысли, подрывавшие, казалось, самые основы бытия человечества. Мои дети (а это уже основательно закаленные детишки, все до единого) влюбились в Джорджа Смайли! И я по-прежнему не слышал ни звука. В библиотеке царил только его голос, порой прерываемый взрывами смеха, если он отпускал шутку, исполненную неизменно свойственной ему самоиронии, или признавал какую-то допущенную им в прошлом занятную ошибку. Старость дается человеку только один раз, пришла мне парадоксальная мысль, когда я вместе со всеми увлеченно и взволнованно слушал его.

Затем Смайли рассказал о нескольких делах, о которых я сам ничего не знал, а он едва ли получил разрешение в главном офисе делиться такими подробностями. Уж точно не у нашего советника по юридическим вопросам Палфри, который в ответ на открытость со стороны бывших врагов стремился и сейчас еще спрятать и запереть за семью замками любой уже давно бесполезный секрет, какой только подворачивался под его тупо дисциплинированные руки.

Смайли особо остановился на будущей роли курсантов как кураторов агентов применительно к изменившейся обстановке в мире. Причем отметил традиционно сложившуюся в нашей службе роль наставника, пастыря, отца и друга, консультанта по вопросам брака и приобретения недвижимости в одном лице, умеющего прощать, развлекать и защищать. Куратор, будь то мужчина или женщина, должен обладать способностью воспринимать самую дикую ситуацию, словно такое происходит каждый день, погружаясь вместе со своим агентом в царство иллюзий. В этом смысле ничего не изменилось, утверждал он, и никогда не изменится. Он даже перефразировал Бернса: «Шпион останется шпионом наперекор всему».

Но едва успев убаюкать курсантов этими прекраснодушными замечаниями, Смайли сразу же предупредил о губительности для их собственных характеров непрерывной манипуляции другими людьми, об отмирании естественной способности искренне чувствовать, к чему может привести подобная деятельность.

– Становясь для своих агентов всем, ты рискуешь превратиться в ничто для самого себя, – с грустью признал он. – Ради бога, никогда не позволяйте себе воображать, что используемые вами методы не отразятся на вас самих. Цель может оправдывать средства, и не будь это действительно так, осмелюсь предположить, никто из вас не сидел бы сейчас здесь. Но за все приходится расплачиваться, а для вас расплатой станет необходимость расстрачивать самих себя. В вашем возрасте еще очень легко продать душу дьяволу. С годами становится намного труднее.

Он небрежно смешивал серьезные вещи с фривольностями, показывая, насколько зыбко и невелико различие между ними. А в подтексте, как казалось, постоянно задавал вопросы, которые мучили меня самого на протяжении всех лет работы, но мне не удавалось так просто сформулировать их. Например: «Хорошо ли то, чем я занимаюсь?» Или: «Какое влияние это оказывает на меня самого?» И еще: «Что станет со всеми нами теперь?» Порой в его вопросах заведомо содержался и ответ. Не зря о Джордже говорили: он никогда и ни о чем не спрашивает, если сам не знает всего заранее.

Он заставлял нас смеяться, пробуждал наши чувства и, держась при этом порой даже чересчур почтительного тона, внезапно шокировал нас неожиданными противопоставлениями и парадоксами. Но ценнее всего оказалось то, что он заставил нас усомниться в собственных устоявшихся предрассудках и предубеждениях. С его помощью я был готов отказаться от позиции человека подчиненного, смиренного и оживить скрытого во мне бун-

товщика, который надолго умолк после ссылки в Саррат. Совершенно неожиданно Джордж Смайли самым чудесным образом поверг меня в смятение и снова привел в движение мои мысли, мои поиски себя.

Я где-то вычитал, что испуганные люди не могут ничему научиться. Но если это так, то они также не имеют права учить других. Сам я не слишком пугливый человек – по крайней мере, не более, чем всякий, кто видел смерть и знает, что однажды она придет за ним. И все же жизненный опыт и пережитая боль привили мне несколько настороженное отношение к правде, даже когда речь идет обо мне самом. Джордж Смайли сумел привести меня в порядок. Джордж был для меня больше чем ментором, больше чем просто другом. Пусть он не всегда находился рядом, но ему удавалось направлять течение моей жизни. Порой я начинал воспринимать его как фигуру, призванную заменить мне подлинного отца, которого я никогда не видел. И визит Джорджа в Саррат пробудил самые острые и опасные воспоминания. Сейчас, располагая временем, чтобы вновь оживить все в памяти, я собираюсь сделать это для вас – вы как бы станете моими спутниками в этом путешествии и зададите себе те же вопросы.

Глава 2

– Есть такие люди, – заявил с завидной уверенностью Смайли, одарив милой улыбкой хорошенькую девушку, выпускницу Тринити-колледжа в Оксфорде, намеренно усаженную мной за стол прямо напротив него, – которые, когда их прошлое оказывается под угрозой, боятся потерять все, чем, по их мнению, они владели, и даже, возможно, перестать быть теми, кем, по их мнению, успели стать. Мне это не свойственно ни в малейшей степени. Целью моей жизни всегда было дожидаться завершения того периода времени, в который мне выпало жить. А потому, если бы мое прошлое все еще оставалось при мне, вы могли бы сказать, что я потерпел провал. Но его при мне уже нет. Мы победили. Пусть такая победа и не имеет никакого значения. И возможно, это не мы победили. Просто они потерпели поражение. И вполне вероятно, что без ограничений, налагавшихся на нас идеологическим конфликтом, которые больше нас не сдерживают, подлинные проблемы у нас еще только возникают. Но к черту все это! Главное, что затяжная война закончилась. Важнее всего надежда.

Сдернув с носа очки, он принялся рассеянно нащупывать что-то на рубашке в поисках неизвестно чего, как мне показалось сначала, пока я не сообразил: он ищет толстый конец галстука, которым привык протирать линзы. Но небрежно повязанная бабочка не давала такой возможности, и потому ему пришлось довольствоваться носовым платком из кармана.

– Если я о чем-то и сожалею, так это о потерянном времени и понапрасну растрченных силах. Мы часто шли не теми путями, заводили ложных друзей, расходовали энергию без всякой пользы. Мы питали иллюзии относительно того, кем были на самом деле.

Он снова надел очки и, как мне померещилось, адресовал улыбку непосредственно мне. И неожиданно я сам почувствовал себя в роли курсанта. Вернулись шестидесятые годы. Я был начинающим шпионом, едва оперившимся птенцом, а Джордж Смайли – терпимый, терпеливый, мудрый Джордж – наблюдал за моими первыми попытками взлететь.

Мы были отличными парнями в те времена, когда даже дни казались длиннее, чем сейчас. Возможно, мы несколько не отличались в лучшую сторону от моих нынешних учеников, но наше патриотическое, ничем не замутненное мировоззрение уж точно проявлялось отчетливее. Едва успев пройти подготовительный курс, я рвался спасать мир, даже если бы мне пришлось метаться со шпионскими миссиями по всему земному шару. В группе нас было десять человек, и после двух лет тренировок – в «детском саду» Саррата, в горах Аргайла и на учебных полигонах Уилтшира – мы дожидались первого оперативного задания, как породистые гончие ждут, чтобы их наконец спустили с поводков и отправили в погоню за дичью.

Мы тоже повзрослели и созрели для настоящих дел в переломный исторический момент, пусть ситуация являла собой полную противоположность нынешней. Застой и враждебность таились в каждом уголке планеты. Красная угроза существовала повсюду, не исключая и нашу собственную, священную для нас родину. Берлинская стена стояла уже два года, и складывалось впечатление, что простоит еще двести лет. Ближний Восток напоминал вулкан, как и сейчас, только в те времена излюбленным объектом ненависти со стороны британцев стал Насер. Прежде всего потому, что стремился вернуть арабам чувство собственного достоинства, для чего заигрывал с русскими, не устывая при этом выторговывать для себя самые выгодные условия. На Кипре, в Африке и Юго-Восточной Азии более мелкие народцы, нарушая все установленные законы, восставали против бывших хозяев своих колониальных стран. И если мы, отважные британцы, порой чувствовали, как в результате подобных событий слабеет мощь нашей империи, то всегда находились еще и американские кузены, неизменно готовые всадить нам нож в спину на мировой арене.

Таким образом, только что выпорхнувшие из гнезда тайные герои, мы уже имели все необходимое, чтобы начать: праведную цель, зловещих врагов, ненадежных союзников, женщин, придававших нам мужества, но не допускавших к секретам, и унаследованные нами великие традиции, поскольку Цирк в те дни все еще наслаждался славой, заслуженной в годы войны. А мир вокруг бурлил.

Почти все наши руководители добыли себе эполеты, занимаясь шпионажем против Германии. И во время неофициальных встреч с нами они дружно утверждали в ответ на серьезно задаваемые вопросы, что если говорить о защите человечества от крайностей, в которые оно норовило впасть, мировой коммунизм представлял собой даже бо́льшую угрозу, чем гунны.

– Вам, джентльмены, досталась крайне опасная планета, – любил говаривать Джек Артур Ламли, увенчанный лаврами руководитель нашего учебного центра. – И если хотите знать мое мнение, то в этом заключается ваше дьявольское везение.

О, конечно же, мы жадно впитывали каждое слово! Джек Артур считался человеком безрассудной отваги. Он провел три года, постоянно посещая территорию оккупированной нацистами Европы, словно его туда то и дело приглашали радушные хозяева. Он в одиночку взрывал мосты. Попадал в плен, бежал и снова оказывался за колючей проволокой у немцев – никто уже и не брался считать, сколько раз он выбирался из подобных смертельно опасных переделок. Он умел убивать голыми руками, лишившись в схватках пары пальцев, а когда на смену настоящей войне пришла «холодная», Джек едва ли ощутил хоть какую-то разницу. В свои пятьдесят пять лет он еще мог с двадцати шагов буквально изрешетить мишень в человеческий рост из девятимиллиметрового «браунинга», открыть любой замок с помощью канцелярской скрепки, подложить мину-ловушку в туалетный бачок за тридцать секунд и расплатать тебя на мате в спортзале одним броском. Это Джек обучал нас прыгать с парашютом через люки бомбардировщиков «стерлинг», высаживаться с надувных лодок на пляжи Корнуолла, а по вечерам в столовой оставался трезвым, когда мы все уже валялись под столом. И если Джек Артур считал планету опасной, мы верили, что так и есть!

Но тем труднее становилось для нас ожидание. И если бы не было рядом Бена Арно Кавендиша, чтобы разделить тяготы бездействия, то мне пришлось бы еще тяжелее. Когда слишком долго торчишь, привязанный к главному офису, где почти нечем заняться, любой энтузиазм может превратиться в желчную озлобленность.

Мы с Беном родились под одной звездой. Одного возраста, одинаковой подготовки, примерно равного телосложения – лишь ростом один на дюйм превосходил другого. Наверняка Цирк направит нас на задание вместе, не уставали мы повторять друг другу, – возможно, и подобрали нас как будущих напарников! У нас обоих матери были иностранками, хотя матушка Арно уже умерла (у него были немецкие корни), а потому, вероятно, чтобы отчасти компенсировать этот «недостаток», мы целенаправленно лепили из себя представителей типично британского среднего класса – спортивных гедонистов, выпускников хороших школ, мужественных во всем и словно рожденных управлять, если не командовать. Хотя теперь, когда я разглядываю групповые фотографии нашего выпуска, то замечаю, что Бен во многом выглядел предпочтительнее меня: в нем уже ощущалась истинная зрелость, пришедшая ко мне позже. У него даже наметилась небольшая залысина клинышком ото лба, а нижняя челюсть упрямо выпирала вперед, делая его на вид старше своих лет.

И, насколько я понимаю, именно потому Бену, а не мне дали задание в Берлине, где он стал куратором важного агента в Восточной Германии, пока я все еще пребывал в томительном ожидании.

– Мы решили на пару недель перевести тебя в группу наружного наблюдения, мой юный друг Нед, – сказал начальник отдела кадров с покровительственной интонацией, кото-

рую я уже начал тихо ненавидеть. – Хорошая практика для тебя, да и им не помешает помощь. Работа для настоящего рыцаря плаща и кинжала. Тебе понравится.

Что ж, сойдет для разнообразия, подумал я, внешне спокойно восприняв новость. Весь последний месяц я проявлял чудеса изобретательности, чтобы сорвать проведение конференции Всемирного совета мира в каком-нибудь Белграде, сидя за письменным столом в темном углу кабинета на Третьем этаже. Мной руководил тугодум-начальник, который, отдав распоряжения, мог потом часами просиживать за обедом в баре для старшего офицерского состава. А я лихо путал расписания поездов, доставлявших делегатов, отменял предварительные заявки на номера в отелях и посылал анонимные угрозы о якобы заложенных в конференц-зале бомбах. Предыдущий месяц я провел, отважно прячась в вонючем подвале дома, соседствовавшего с посольством Египта, дожидаясь, чтобы продажная уборщица вынесла мне в обмен на бумажку в пять фунтов мусор из корзины посла – все, что накопилось за день. В сравнении с этим пара недель в компании лучших в мире мастеров слежки представлялась почти как досрочный отпуск.

– Ты примешь участие в операции «Толстяк», – сообщил кадровик, снабдив меня адресом явочной квартиры чуть в стороне от Грин-стрит в Уэст-Энде.

Первое, что я услышал, когда вошел туда, – стук шарика от пинг-понга и надтреснутые звуки старой граммофонной пластинки с записями песенок Грейси Филдс. Мне от этого сделалось так тошно, что я вновь начал исходить завистью к Бену Кавендишу и его героическому агенту в Берлине, издавна слывшем столицей мирового шпионажа. В тот же вечер Монти Эрбак, командир нашей оперативной группы, провел инструктаж.

Позвольте сразу принести вам извинения. В то время я еще очень плохо разбирался в иерархии чинов Цирка. Сам я принадлежал к офицерской касте – в буквальном смысле, поскольку служил во флоте, – и считал совершенно естественной свою принадлежность к высшим кругам общественной системы. Цирк же есть не что иное, как небольшое зеркало, в котором отражается та Англия, которую он призван защищать, а потому мне казалось вполне справедливым относить людей, занимавшихся слежкой, как и смежными занятиями вроде взлома квартир и прослушивания чужих разговоров, скорее, к классу ремесленников. Вы не сможете долго идти по пятам подозреваемого, если наденете шляпу-котелок. А отточенные интонации диктора Би-би-си не сделают вас своим и незаметным за пределами лондонской «золотой мили»⁴, особенно при попытке выдать себя за уличного торговца, мойщика окон или почтальона. Вот и представьте, как я тогда выглядел. В лучшем случае молодым мичманом, сидевшим среди более опытных, но не столь привилегированных моряков. И видели бы вы Монти, каким увидел его я тем вечером: деревенским увальнем, простым егерем с натруженными руками! Нас было десять человек. То есть три группы по трое, в каждую из которых непременно входила женщина, чтобы можно было проверять дамские уборные. Это считалось принципиально важным. А Монти нами руководил.

– Добрый вечер, студент, – сказал он, сядя перед школьной доской и обращаясь прямо ко мне. – Всегда приятно для поднятия тонаса улучшить свой качественный состав, мне так кажется. Верно?

Грянул смех, и громче всех смеялся я сам, понимая необходимость понравиться его людям.

– Наша цель на завтра, студент, это его королевское высочество Толстяк, более известный как...

Повернувшись к доске, Монти взял кусок мела и тщательно вывел очень длинную арабскую фамилию.

⁴ Квартал Сити.

– А суть нашего задания, студент, сводится к СО, – продолжил он. – Надеюсь, вам известно, что такое СО? Несомненно, этому учат в любом шпионском Итоне.

– Связи с общественностью, – выпалил я, поразившись, какое бурное веселье вызвал мой ответ.

Увы, я невольно попал пальцем в небо. На жаргоне профессионалов знакомые две буквы означали совсем иное – «следить и оберегать». Именно этим нам предстояло заняться на следующий день. То есть пока августейший гость Лондона желал пользоваться нашими услугами, нам следовало предотвращать любые попытки причинить ему какой-либо вред и докладывать в главный офис обо всех его перемещениях, вызванных общественной или коммерческой деятельностью.

– Вам, студент, предстоит работать с Полом и Нэнси, – сказал Монти, завершив изложение необходимой нам информации. – В группе вы станете третьим номером, и уж будьте любезны, в точности выполняйте то, что вам будет сказано делать, независимо от характера поручения.

С этого места я предпочту изложить вам суть операции «Толстяк» не словами Монти, а собственными, поскольку теперь имею возможность взглянуть на события с расстояния в двадцать пять лет, что дает определенные преимущества. Но даже сегодня я все еще могу покраснеть от стыда, вспоминая, кем я себя тогда мнил и как, должно быть, выглядел в глазах таких людей, как Монти, Пол и Нэнси.

Прежде всего вам следует понять, что лицензированные торговцы оружием в Великобритании считают себя крутой элитой – как считали и в те времена. Причем они пользуются превышающим всякие разумные пределы покровительством со стороны полиции, бюрократии и спецслужб. По причинам, в которых я так и не смог до конца разобраться, не слишком благородный бизнес делает их отношения со всеми этими организациями весьма доверительными. Возможно, все дело в иллюзии глубокого познания грубой реальности, тонкой грани между жизнью и смертью, которую они излучают, продавая свой товар. А быть может, весьма ограниченные умы наших чиновников наделяют их лично той же властью над судьбами людей, какую зачастую приобретают те, кто пускает их товар в ход. Не знаю. Но за прошедшие годы я достаточно близко познакомился с нравами, царящими на наших улицах, чтобы догадываться: в мире гораздо больше мужчин, которым нравится война, чем тех, кому в самом деле доводится воевать, и значительно больше огнестрельного оружия покупается для удовлетворения этого тщеславного чувства, чем с любыми другими целями, порой самыми достойными.

Важно отметить, что Толстяк был для воротил этого бизнеса одним из самых ценных клиентов. А наше задание – следить и оберегать – оказалось лишь малой частью гораздо более крупной политической акции: налаживания и укрепления связей с так называемым дружественным арабским государством. Что подразумевало и подразумевает в наши дни использование любых форм умасливания, подкупа и лести в отношении правящих таким государством особ специфически английскими методами, готовность пойти на всевозможные уступки для удовлетворения наших насущных потребностей в нефти, а заодно возможность сбывать им столько британского оружия, чтобы сатанинские мельницы заводов в Бирмингеме работали в три смены. Этим, по всей видимости, и объяснялось осязаемое отвращение Монти к порученному нам заданию. По крайней мере, мне хотелось бы в это верить. Опытные сотрудники службы наружного наблюдения славятся склонностью к морализаторству. И не без оснований. Они сначала долго и много наблюдают, а потом начинают осмысливать увиденное. Монти как раз достиг тогда стадии раздумий и осмысления.

Что касается самого Толстяка, то он обладал всеми чертами, необходимыми для уважительного обхождения. Это был предельно расточительный брат шейха, правившего очень

богатой нефтью страной. Капризный, часто склонный забывать о том, что уже успел у нас купить. Как и положено подобным персонам, он прибыл, воспользовавшись личным «боингом» брата, совершившим посадку на военном аэродроме поблизости от Лондона. Все было специально подготовлено к его прибытию, чтобы немного поразвлечься и кое-что приобрести. Как мы поняли, на сей раз ему требовались сущие пустяки. Например, два бронированных «роллс-ройса» для него самого, половина ассортимента магазина фирмы «Картье» в качестве подарков для многочисленных подружек, обитавших по всему миру, а для его могущественного брата – около сотни наших не самых современных пусковых установок для ракет класса «земля – воздух» и пара эскадрилий боевых истребителей тоже не последней модели. Разумеется, он не забыл подписать с британским правительством долгосрочные и весьма выгодные контракты на поставку запасных частей, техническое обслуживание и обучение пилотов, что позволяло Королевским военно-воздушным силам и производителям вооружений не тревожиться о своем финансовом положении еще многие годы... Да, и, конечно, нефть. Мы получили возможность жечь ее в свое удовольствие.

Его сопровождение, помимо секретарей, включало в себя астрологов, подхалимов, нянюшек, детишек и двух учителей, личного врача и троих телохранителей.

Наконец стоит упомянуть и о жене Толстяка, чье подлинное кодовое имя не имело значения, поскольку с первого дня сотрудники Монти окрестили ее Пандой из-за широких темных кругов вокруг глаз, заметных, когда она не скрывала лица, и манеры изображать грусть и одиночество, придававшей ей сходство с особью, занесенной в Красную книгу. У Толстяка было несколько жен, которых он мог бы притащить с собой в Лондон, но Панда, хотя и старшая из них, получила предпочтение, поскольку наиболее терпимо относилась к развлечениям супруга. А он обожал ночные клубы и азартные игры, за что группа наблюдения от души возненавидела его еще до прибытия. Все знали: он редко отправлялся спать раньше шести утра, причем непременно проиграв до этого сумму, приблизительно в двадцать раз превышавшую годовое жалованье всех членов группы, вместе взятых.

Эта милая компания разместилась в одном из роскошных отелей Уэст-Энда, целиком заняв два этажа, соединенных между собой отдельным лифтом, тоже смонтированным специально для них. Толстяк, подобно многим сорокалетним сластолюбцам, постоянно тревожился за свое сердце. Его также беспокоили скрытые в стенах микрофоны, и он ощущал себя в безопасности только в лифте. Вот почему мастерам прослушки из Цирка пришлось установить микрофон и в лифте тоже, ведь именно там они рассчитывали записать фрагменты разговоров о последних дворцовых интригах, как и вовремя узнать о непредвиденных препятствиях, грозивших сократить список покупок Толстяка.

И все протекало гладко до третьего дня, пока маленький, никому не известный араб в черном плаще с бархатным воротником не появился внезапно и тихо в поле нашего зрения. Впрочем, если быть точным, то появился он в отделе женского нижнего белья «Харродса» – самого знаменитого универмага на Найтсбридже, где Панда и ее помощницы придиричиво рылись в грудах белоснежных, весьма вычурных вещей, выложенных перед ними на стеклянный прилавок. Потому что у Панды имелись свои шпионы. И ей донесли, что днем раньше Толстяк сам с большим удовольствием подбирал предметы дамского туалета, десяток из которых был затем отправлен по адресу в Париже, где в оплачиваемых им шикарных апартаментах жила любимейшая его подружка, всегда готовая распахнуть для него объятия.

Повторяю, произошло это на третий день, а моральное состояние нашего звена, состоявшего из трех человек, уже оставляло желать много лучшего. Пол Скордено был замкнутым мужчиной с рябым лицом и врожденным талантом изошренно ругаться. Нэнси намекнула мне, что он попал в немилость начальства, но не рассказала подробно, по какой причине.

– Он обидел девушку, Нед, – так сформулировала она, но, как понял я позже, обида означала нечто большее, чем, к примеру, словесное оскорбление или даже пощечина.

Сама крошка Нэнси, ростом не более пяти футов, имела внешность типичной уличной побирушки. И чтобы держаться своего образа, объяснила она мне, носила фильдекосовые чулки и удобные туфли на непромокаемой резиновой подошве, которые редко меняла на другую обувь. Все остальное, что могло ей пригодиться, – шарфы, плащ-дождевик, шерстяные шапочки разных цветов – она держала в большом полиэтиленовом пакете.

Заступая на восьмичасовое дежурство, наша троица всегда выстраивалась в одном и том же боевом порядке. Нэнси и Пол двигались впереди, а юный Нед тащился за ними в роли чистильщика. Когда я спросил Скордено, не стоило ли хотя бы иногда менять порядок строя, он посоветовал привыкать к отведенной мне роли. В первый день мы проследовали за Толстяком в военную академию Сэндхерст, где в его честь устроили торжественный обед. Мы втроем уплетали яичницу с картофелем в кафе поблизости от главных ворот, когда Скордено сначала обругал на чем свет стоит арабов, потом эксплуатировавший их Запад, после чего расстроил меня, обрушившись на наш Пятый этаж, обитателей которого он обозвал фашиствующими любителями гольфа.

– А ты сам не из масонов ли будешь, студент?

Я заверил, что не принадлежал к их числу.

– Тогда лучше поспешить присоединиться к ним, верно? Ты не заметил, как небрежно пожимает тебе руку главный кадровик? Ты никогда не попадешь в Берлин, студент, если ты не масон.

Второй день мы провели, болтаясь в районе Маунт-стрит, где Толстяк заказывал для себя особо приспособленные под конкретного стрелка винтовки в фирме «Парди». Ему хотелось занять пару. Сначала он поверг всех в ужас, неуклюже размахивая показанным ему заряженным образцом, целясь во все углы помещения, а потом закатил жуткий скандал, узнав, что исполнения заказа придется ждать целых два года. Пока все это происходило, Пол дважды приказывал мне войти в магазин, но почему-то выглядел очень довольным, когда моя в меру скромная назойливость и неуместные вопросы начали вызывать подозрения у продавцов.

– А я-то думал, там для тебя самое место, – заявил он с недоброй ухмылкой. – Охота, стрельба по тарелочкам, рыбалка – им на Пятом этаже все это очень нравится, студент.

Той же ночью нам пришлось сидеть в микроавтобусе рядом с плотно занавешенными окнами борделя на Саут-Одли-стрит, а главный офис был повергнут в состояние, близкое к панике. Толстяк, не успев провести там и двух часов, позвонил в отель и немедленно потребовал к себе личного лекаря. Его сердце! – мелькнула у нас тревожная мысль. Не следует ли сейчас же проникнуть внутрь? А пока начальство мучилось над решением проблемы, мы развлекались, воображая нашего подопечного, умершего от разрыва сердца в объятиях чересчур старательной шлюхи. И это до того, как он успел подписать чек на покупку устаревших истребителей! Только в четыре часа утра прослушка успокоила всех. Как выяснилось, Толстяка просто встревожило проявление импотенции, объяснили нам, и доктор понадобился, чтобы ввести возбуждающее средство путем укола в жирную задницу благородного происхождения. По домам мы разъехались только в пять. Скордено исходил руганью от злости, но всем принесло утешение известие, что завтра в полдень Толстяк отправится в Лутон, чтобы присутствовать при впечатляющей демонстрации действительно почти нового образца британского танка. Это позволяло надеяться на день отдыха. Но, как выяснилось, расслабились мы преждевременно.

– Панда желает купить себе кое-что из модной одежки, – объявил Монти не без сострадания к нам, когда мы утром явились на Грин-стрит. – Вашей тройке выпало поработать с ней. Уж извините, мистер студент.

Что и возвращает нас в отдел дамского нижнего белья величайшего в мире универмага в Найтсбридже, к моменту, когда мне удалось прославиться. Бен, размышляя я, Бен, я бы обменял один день твоей жизни на пять моих. А затем внезапно я перестал вспоминать о Бене и завидовать. Потихоньку выйдя в пустовавший соседний зал, я начал говорить в микрофон громоздкой рации – лучшего оборудования для связи у нас тогда еще не было. Причем настроился на волну нашей основной базы. Именно ею Скордено категорически запретил мне пользоваться.

– Панде на хвост села какая-то «обезьяна», – информировал я Монти, стараясь сохранять в голосе полнейшее спокойствие и используя узаконенный термин из жаргона группы слежения, обозначающий загадочную фигуру, замеченную рядом с объектом охраны. – Рост пять футов и пять дюймов, черные курчавые волосы, густые усы, возраст – около сорока, в черном плаще и черных ботинках на каучуковой подошве, внешность арабская. Он был в аэропорту, когда приземлился самолет Толстяка. Я запомнил его. Тот же человек.

– Продолжай следить за ним, – последовала лаконичная команда Монти. – Пусть Пол и Нэнси остаются при Панде, а ты не упускай из виду «обезьяну». Какой этаж?

– Второй.

– Держись за ним, куда бы он ни направился, и оставайся на связи со мной.

– Он может что-то вынашивать, – сказал я, искоса бросая взгляд на подозрительного типа и имея в виду, разумеется, опасные планы.

– То есть он беременный?

Шутка не показалась мне смешной.

Теперь попробую описать вам сцену более детально, потому что все выглядело намного сложнее, чем вы могли бы предположить. Мы трое оказались далеко не единственными, кто шел за Пандой во время ее экспедиции по универмагу, проходившей со скоростью улитки. Приезд богатой арабской принцессы в знаменитый универмаг никогда не происходит без предварительного уведомления. Помимо пары обычных администраторов в черных пиджаках и полосатых брюках, в арках двух дверей торгового зала показались мужчины, в которых безошибочно угадывались штатные детективы из самого универмага. Они встали, широко расставив ноги и сжав в кулаки вытянутые по швам руки, готовые в любой момент вступить в схватку с печально известными вращающимися дервишами. И, словно этого было мало, в то утро Скотленд-Ярд проявил инициативу, предоставив своих телохранителей – двух амбалов с каменными лицами в туго подпоясанных приталенных плащах. Они почти не таясь стояли рядом с Пандой, прожигая взглядами насквозь всякого, кто к ней приближался. А ведь были еще Пол и Нэнси, надевшие самые лучшие воскресные наряды. Эти двое, стоя ко всем спиной, делали вид, что разглядывают нижнее белье в витринах, но украдкой наблюдали за объектом, используя многочисленные зеркала.

Происходило все это, повторю, в тихой атмосфере, пропитанной ароматами гарема, среди тонких кружев белья, на устланных ворсистыми коврами полах, уставленных полуголыми манекенами. Не забудем и о добрейших седовласых продавщицах в черном крепе, которые, только достигнув определенного возраста, приобретали достаточно величавый, но не грозный вид, чтобы стать жрицами храма женских интимных принадлежностей.

Мужчины, как я заметил, предпочитали либо вообще не заходить в этот отдел, либо поспешно проскакивали его насквозь, стараясь не глазеть по сторонам. Будь я частным лицом, интуиция подсказала бы мне поступить так же. Но я находился на службе, а теперь заметил еще и этого странного маленького человека с черными усами и исполненными страсти карими глазами, который упрямо следовал за Пандой, держа дистанцию примерно пятнадцать шагов. Если бы Монти не назначил меня чистильщиком, я мог бы тоже не обратить на него внимания или обратиться много позже. Но почти сразу стало понятно, что мы оба, хотя и по разным причинам, были вынуждены находиться от своей цели на одном и том

же расстоянии. Однако я старался вести себя непринужденно, а его словно что-то влекло за этой женщиной с непреодолимой мистической силой. Он практически не сводил с нее глаз. Даже в тот момент, когда их ненадолго разделяла колонна или другая покупательница, он все равно стремился вытянуть шею или изогнуться всем телом, чтобы она опять попала под его пылкий и (как я теперь уверился) фанатичный взгляд.

А ведь я почувствовал в нем этот жар еще в самый первый раз, когда заметил из зала прибытия аэродрома. Он привстал там на цыпочки по другую сторону длинной стеклянной стены, не допущенный в зал, и прижался к стеклу лицом, чтобы как можно лучше видеть прибытие членов семьи шейха. Тогда он не особенно мне запомнился. Я всмотрелся в него, но не более пристально, чем всматривался в каждого встречавшего. Он мог быть просто одним из слуг, помощников дипломатов или зевак, неизбежных везде, где появляются знаменитости (не совсем понятно, как зеваки проникли на военный аэродром). И тем не менее страсть, заметная в нем уже тогда, затронула во мне какую-то струну: вот он, Ближний Восток, размышлял я, посмотрев на его расплющенное о стекло лицо. Моей службе просто необходимо принимать в расчет подобные откровенные проявления язычества, если мы хотим поддерживать с этими странами мирные отношения и без проблем сбывать им оружие.

Он немного двинулся вперед и стал рассматривать шкафчики с выставленными образцами тесьмы. Его походка, действительно чем-то напоминавшая обезьянью, отличалась сочетанием широты шага и осторожности крадущегося животного. Казалось, двигались при этом только колени и ступни, усиливая странное впечатление. Я пристроился рядом у витрины с подвязками, время от времени исподволь изучая его, особенно стараясь разглядеть предательские вздутия под плащом на боках или ближе к подмышкам. Его черный плащ имел классический покрой, излюбленный наемными убийцами: просторный, не подпоясанный – под такой одеждой без труда можно спрятать пистолет даже с длинным глушителем или полуавтоматическое оружие, если подвесить его на подмышечную петлю.

Потом я переключился на его руки, ощущая нервное покалывание в пальцах. Левую он держал свободно опущенной вдоль тела, зато правая, выглядевшая намного сильнее, то порывалась подняться на уровень груди, то снова опускалась, как будто он никак не мог набраться храбрости для завершения задуманного.

Крестообразная кобура под правую руку, подумал я. Скорее всего в подмышечной области. Наш инструктор по обращению с огнестрельным оружием продемонстрировал нам в свое время все существующие варианты.

И эти глаза... Темные, горящие глаза отчаявшегося фанатика. Даже если смотреть на него сбоку, можно подумать, его взгляд устремлен куда-то в потусторонний мир. Быть может, он дал клятву за что-то отомстить ей самой или членам ее семьи? Ведь мог же какой-нибудь рьяный мулла пообещать ему вечную жизнь в раю, если он решится на такой поступок? Мои познания по части ислама были, мягко говоря, скудными, почерпнутыми лишь из пары лекций и романов Персиваля Рена. Но и этого оказалось достаточно, чтобы я ощутил рядом с собой присутствие на все готового, одержимого одной мыслью человека, для которого собственная жизнь ничего не значила.

А я сам? Увы, никаким оружием я не располагал. Это расстраивало меня больше всего, показывая истинное отношение ко мне сотрудников «наружки». Служба наблюдения даже не думала вооружаться, отправляясь на обычное задание. Но операция по скрытной слежке и охране – здесь совсем другой коленкор, а потому Полу Скордено был все-таки выдан пистолет из личного сейфа Монти.

– Одного вполне достаточно, студент, – сказал мне Монти со своей обычной улыбочкой всезнайки. – Мы же не хотим, чтобы вы развязали третью мировую войну, верно?

А потому все, что мне оставалось, когда я снова последовал за своим подопечным, это прибегнуть к одному из ударов, которым нас обучили на занятиях по рукопашному бою.

Беззвучное убийство – так называл свой предмет тренер. Стоит ли мне атаковать его сзади? Или применить «кроличий прием» – одновременный удар ребрами ладоней над ушами? Но тогда он может погибнуть мгновенно, а нам, наверное, надо взять его живым и допросить. В таком случае не лучше ли сначала сломать ему правую руку, чтобы потом завладеть его оружием? Но существовала и другая опасность. Стоило в моих руках оказаться пистолету, как я сам мог пасть под градом пуль, выпущенных другими телохранителями, находившимися в торговом зале.

Она заметила его!

Панда посмотрела прямо в глаза «обезьяне», а он ответил ей выразительным взглядом!

Неужели она узнала его? Я был уверен, что узнала. Но догадывалась ли о его намерениях? И не впала ли женщина в состояние своего рода восточного фатализма, готовая принять неизбежную смерть? Мой ум поспешно перебрал самые невероятные предположения, пока я наблюдал за загадочным обменом взглядами. Когда их глаза впервые встретились, Панда застыла. Ее унизанные драгоценностями проворные маленькие ручки, только что перебиравшие одежду на стойке продавщицы, замерли, а потом, словно подчиняясь безмолвной команде, бессильно опустились вдоль тела. И она стояла неподвижно, лишенная воли, не находя в себе сил даже попытаться избежать устремленного на нее пронизательного взгляда.

Наконец со странно обреченным и даже немного приниженным видом она отвернулась, что-то пробормотала сопровождавшим ее женщинам, а потом протянула руку и положила на стойку предмет туалета, который все еще сжимала пальцами. В тот день в ее одежде преобладали коричневые тона, и будь она мужчиной, я бы назвал ее стиль близким к францисканскому: широкие, очень длинные рукава, коричневый платок, туго стягивавший голову.

Я заметил, как она вздохнула, а затем медленно и словно неохотно повела свой эскорт к выходу из зала. Непосредственно за ней следовал личный телохранитель, у него за спиной маячил детектив Скотленд-Ярда. Далее потянулись дамы из ее сопровождения и администраторы универмага. Замыкали шествие Пол и Нэнси, которые, явно пока не понимая, как поступить, оторвались от созерцания неглиже и изображали пару, тоже принадлежавшую к этой большой группе клиентов. Пол, который наверняка слышал часть моего разговора с Монти, не удостоил меня даже беглого взгляда. Нэнси, гордившаяся своим мастерством актрисы-любительницы, притворилась, что между ними возникла супружеская размолвка. Я пытался разглядеть, расстегнул ли Пол хотя бы пуговицу на своем пиджаке, поскольку он тоже пользовался крестообразной кобурой, но мог видеть только его удалявшуюся широкую спину.

– Отлично, студент, а теперь введите меня в курс дела, – весело шепнул мне в левое ухо Монти, возникший самым чудесным образом рядом со мной. Давно ли он находился здесь? Я понятия не имел. Миновал полдень, наша вахта подошла к концу, но сейчас выдался самый неподходящий момент для смены звена. «Обезьяна» была всего в пяти ярдах от нас, легко, но решительно двигаясь за Пандой.

– Мы можем взять его на лестнице, – пробормотал я.

– Говорите громче, – посоветовал мне Монти тем же спокойным тоном. – Разговаривайте нормально. Вас же никто не подслушивает. Но вот стоит вам начать шептаться со мной, как охрана сразу решит, что мы намерены ограбить кассу.

Поскольку мы находились на втором этаже, группа во главе с Пандой наверняка собиралась воспользоваться лифтом, чтобы спуститься или подняться выше. Рядом с лифтом располагалась пара дверей на шарнирах, которая в те дни вела на каменную противопожарную лестницу, довольно сильно запущенную и невзрачную, покрытую линолеумом. Мой план, изложенный Монти в кратком стаккато из фраз, пока мы продолжали преследовать «обезьяну» до выхода из зала, был до крайности прост. Как только группа приблизится к лифту,

мы с Монти возьмем его под руки с двух сторон и вытащим на лестницу. Обезопасив крепким ударом в пах, отберем оружие, а затем доставим на Грин-стрит, где ему придется во всем признаться. Во время тренировок мы десятки раз проделывали такой трюк, причем однажды оконфузились, схватив ни в чем не повинного банковского клерка, спешившего домой к жене и детям. Мы по ошибке приняли его за одного из организаторов учебной операции.

Однако Монти, выслушав все это, к моему разочарованию, сделал вид, что не обратил на мое предложение никакого внимания. Он лишь следил, как сотрудники универмага освобождали путь для группы Панды к лифту, чтобы вместе с ними в кабине не оказалось посторонних. При этом с его лица не сходила глупая улыбка простака, внезапно увидевшего перед собой члена королевской семьи.

– Она отправится вниз, – удовлетворенно заметил он. – Ставлю фунт против пенни, что теперь ее заинтересуют искусственные ювелирные украшения для платьев. Трудно поверить, что богатую принцессу с Ближнего Востока привлечет бижутерия, но ведь женщинам побрякушек всегда мало. К тому же там можно совершить выгодную покупку. Иди за мной, сынок. Это будет занятно. Посмотрим вместе.

Мне приятно вспоминать, что даже совершенно сбитый в тот момент с толку, я все же понял и признал истинное мастерство Монти в своем деле. Экзотическая компания Панды, облаченная почти поголовно в восточные наряды, вызывала у прочих покупателей живейший интерес. И Монти выглядел лишь еще одним обывателем, получавшим удовольствие от зрелища. И он, конечно, снова оказался прав, потому что они направились напрямик в ювелирный отдел. «Обезьяна» тоже предвидел это, потому что к моменту нашего появления из лифта он опередил всех и занял стратегически выгодную позицию блестящих витрин, прижавшись левым плечом к стене, что и требовалось от убийцы, готовившегося стрелять с правой руки.

А вот Монти не спешил занять столь же удобное положение для ведения ответного огня. Он просто подошел к нему, встал рядом и знаком приказал мне присоединяться, в результате чего я оказался в ситуации, когда ближе ко мне располагался сам Монти, а не наш противник.

– Вот почему я так люблю бывать в Найтсбридже, сынок, – громко принялся объяснять мне Монти. – Никогда не знаешь, с кем здесь доведется встретиться. Помнишь, в прошлый раз, когда мы вместе с мамой отправились в продуктовый отдел «Харродса». И на тебе! «Привет! А я вас знаю. Вы Рекс Харрисон». Я мог бы протянуть руку и дотронуться до него, но не стал этого делать. Настоящий перекресток центра мира, вот что я тебе скажу о Найтсбридже. Вы согласны со мной, сэр? – И он приветственно приподнял шляпу, обращаясь к «обезьяне», но получил в ответ лишь рассеянную улыбку. – Интересно, откуда прибыли к нам все эти люди? С виду похожи на арабов, богатых, как царь Соломон. И они, осмелюсь предположить, даже не платят налогов. Явно королевские особы. Их никто не осмелится обложить налогами. Ни один монарх в мире не платит налогов самому себе. В этом не было бы никакой логики. Видишь вон того полисмена, сынок? Он точно из особого отдела – сразу понятно, стоит посмотреть на его тупую и мрачную физиономию.

Эскорт Панды тем временем обступил сверкающие витрины, а сама Панда, явно с трудом сдерживая возбуждение, попросила достать для нее планшет с украшениями для более тщательного осмотра. Столь же быстрыми движениями, как в отделе нижнего белья, Панда выбирала какой-нибудь предмет, критически оглядывала, поднеся ближе к свету, а потом бралась за другой. И снова, пока она продолжала оценивать красоту драгоценностей, я заметил, как ее беспокойный взгляд то и дело обращался в нашу сторону – сначала на «обезьяну», затем на меня, словно она уже распознала во мне одного из своих защитников.

Но Монти, когда я посмотрел на него, ожидая объяснений, продолжал улыбаться.

– То же самое происходило в отделе нижнего белья, – прошептал я, забыв его наставление говорить нормальным голосом.

Монти же продолжал свой звучный монолог:

– Хотя стоит лишь копнуть немного поглубже, сынок, – я не устаю повторять это, – короли или не короли, мы все одинаковы от и до. Мы рождаемся голенькими, а потом неуклонно идем каждый своим путем к могиле. Твое богатство в здоровье, и лучше иметь много друзей, чем денег, вот как я считаю. У каждого из нас есть свои аппетиты, маленькие слабости и небольшие пороки.

И он продолжал легкомысленную болтовню в полном контрасте с моим предельным напряжением и тревогой.

Она попросила показать ей другие планшеты. Прилавок уже ломился от невероятно дорогих с виду тиаар со стразами вместо камней, браслетов и колец. Выбрав ожерелье из трех ниток поддельных рубинов, Панда приложила его к шее, взяв небольшое зеркальце, чтобы полюбоваться собой.

Была ли то игра моего воображения? Нет, ни в коей мере! Она воспользовалась зеркалом, чтобы мельком понаблюдать за «обезьяной» и за нами! И в ее глазах читалось волнение и нечто вроде мольбы, обращенной к нам, пока она не положила зеркальце на прежнее место, а сама почти раздраженно принялась осматривать дальний конец витрины, где ее уже ожидала новая партия вещей для заинтересованного ознакомления.

В тот же момент «обезьяна» сделал шаг вперед, и я заметил, как его рука потянулась под разрез плаща. Отбросив всякую осторожность, я тоже шагнул вперед, согнув пальцы правой руки, а ладонь расположив параллельно полу, как нас учили в Саррате. Я решился на удар локтем в область сердца, за которым должен был последовать второй – ребром ладони поверх губы, где хрящ носа сходится с челюстью. Как раз там расположен сложный узел чувствительных нервных окончаний, и меткое попадание в нужную точку способно на некоторое время почти парализовать противника. Рот «обезьяны» приоткрылся для глубокого вдоха. Я ожидал услышать воззвание к аллаху или, возможно, лозунг какой-нибудь секты фундаменталистов (впрочем, сейчас я уже не уверен, насколько в то время нас беспокоили арабские экстремистские группировки и много ли мы вообще о них знали). Я и сам приготовился издать боевой клич, не только чтобы ошарашить его, а потому, что наполненные воздухом легкие насытили бы кислородом кровеносную систему и увеличили мощь ударов. И я уже втянул воздух, когда почувствовал, как рука Монти стальным кольцом сжала мне кисть, а затем с совершенно непредсказуемой силой он обездвижил меня, притянув вплотную к себе.

– Не надо ничего такого делать, сынок. Этот джентльмен стоит в очереди перед тобой, – сказал он. – И ему нужно закончить одно весьма щекотливое дело, не так ли, сэр?

Тот кивнул. И Монти не отпускал меня, пока я не убедился сам, в чем именно состоит суть дела. «Обезьяна» заговорил. Причем обращался он не к Панде и не к одной из ее подружек, а к двум администраторам в полосатых брюках, которые слушали его, склонив головы, сначала несколько недоверчиво, а потом с нарастающим интересом, чтобы затем с удивлением и недоумением обратить взоры на Панду.

– Должен с сожалением констатировать, джентльмены, что ее высочество предпочитает делать некоторые свои приобретения, так сказать, не соблюдая должных формальностей, – говорил он. – Не обременяя никого необходимостью выписывать чеки и упаковывать покупки. Сформулируем это как можно мягче. Такой уж настал в ее жизни сложный период. Еще три или четыре года назад она слыла подлинным виртуозом по части скидок. О да! Она была способна сбить цену на нужную ей вещь до минимума. Но сейчас, в этот, повторю еще раз, трудный период жизни она в буквальном смысле взяла все в свои руки, понимаете? А если точнее – чаще пользуется для своих целей рукавами. О, горе нам! Поэтому его свет-

лостью поручил мне присматривать за ней, замечать подобные «покупки» и улаживать ситуации так, чтобы слухи о ее необычных наклонностях не стали достоянием гласности или тем более не просочились в прессу. Надеюсь, джентльмены, я понятно изложил существо деликатной проблемы?

После чего он достал из-под плаща, увы, не автоматический «вальтер», и не пистолет-пулемет «хеклер-кох», и даже не столь любимый всеми нами девятимиллиметровый «браунинг», а всего-навсего бумажник из марокканской кожи, набитый купюрами разного достоинства, выданными ему хозяином.

— По моим подсчетам, сегодня речь идет о трех прекрасного качества кольцах, одном искусственном изумруде, двух стразах под бриллианты и также искусственного происхождения рубинах, нанизанных на три нитки бус. Его светлости угодно, чтобы при расчетах были щедро оплачены все моральные издержки, понесенные штатом великолепных сотрудников вашего универмага. Предусмотрена и особая премия касательно уже упомянутой необходимости не допустить какой-либо огласки происшествия.

Хватка Монти на кисти моей руки окончательно ослабла. А когда мы вышли в вестибюль, я осмелился посмотреть на него и, к своему огромному облечению, увидел на его лице не насмешку, а задумчивое и добродушное выражение.

— Вот в этом и состоит основная проблема нашей профессии, Нед. — Он впервые назвал меня по имени. — Жизнь преподносит сюрпризы, каких ты никак не ожидаешь. Признаюсь, мне и самому нравится порой вступить в схватку с по-настоящему опасным врагом. Хотя их становится все труднее найти. Слишком много развелось на этом свете порядочных людей.

Глава 3

– Учтите к тому же, – увещательно обратился Смайли к своей молодой аудитории тоном священника, который просит не забыть при уходе бросить в копилку пожертвования, – что воспитанный в частной школе англичанин (как, впрочем, и англичанка, добавлю я теперь) является величайшим в мире притворщиком и лицемером.

Ему пришлось снова дожидаться, чтобы утих смех.

– Он им был, остается и пребудет вовеки, пока не подвергнется радикальным реформам наша безобразная система образования. Никто другой не сможет вас с такой легкостью очаровать, надежнее спрятать от вас свои истинные чувства и мысли, искуснее замести следы своего прошлого и ни за что не выдавит из себя признания, что он хотя бы однажды сваял большого дурака. Никто не проявляет такой храбрости в минуту, когда на самом деле смертельно страшно, никто не бывает счастливее в самые тоскливые моменты своей жизни. И точно так же никто не будет вам слаще льстить, внутренне ненавидя вас, чем общительные англичане или англичанки, пусть они принадлежат к так называемым привилегированным слоям общества. Человек способен пережить сильнейший нервный срыв, просто стоя за вами в очереди на автобус, а вы будете считаться его лучшим другом, но так и не узнаете, до какого состояния он дошел. Вот почему многие наши лучшие офицеры порой оказываются худшими. По той же причине самым трудным агентом из всех, кого вам придется курировать, окажетесь вы сами.

Произнося эту сентенцию, Смайли, несомненно, имел в виду в первую очередь самого известного обманщика и предателя из нашей организации – Билла Хэйдона. Но, с моей точки зрения, он мог вести речь еще и о Бене. И конечно же, хотя в этом труднее признаться, о молодом Неде, как, вероятно, и о старом тоже.

Это случилось в тот же день, когда я по недомыслию чуть не напал на одного из телохранителей Панды. Усталый и в прескверном настроении, я добрался до своей квартиры в Баттерси, но обнаружил, что дверь заперта на замок изнутри, а двое мужчин в серых костюмах роются в бумагах из моего письменного стола.

Когда я сумел ворваться внутрь, они даже не прервали своего занятия. Одним из них оказался начальник отдела кадров, а вторым – похожий на филина неопределенного возраста невысокий крепыш в очках с круглыми стеклами, окинувший меня взглядом, исполненным хмурого сочувствия.

– Когда вы в последний раз получали известия от своего друга Кавендиша? – спросил кадровик, покосившись на меня, прежде чем вернуться к моим документам.

– Он ведь ваш друг, верно? – с грустью в голосе поинтересовался напоминаящий ночную птицу мужчина, пока я старался привести чувства в порядок. – Бен? Арно? Как вы предпочитали его называть?

– Да. Он мой друг. Бен. А в чем дело?

– Так когда вы в последний раз разговаривали с ним? – повторил вопрос кадровик, небрежно сдвигая в сторону кипу писем от моей тогдашней возлюбленной. – Он вам звонит? Как вы с ним поддерживаете связь?

– Неделию назад получил от него открытку. Почему вы спрашиваете об этом?

– Где она?

– Не знаю. Я, наверное, порвал ее. Если только ее нет где-нибудь в столе. Будьте все-таки любезны объяснить мне, что происходит.

– Значит, вы порвали открытку?

– Или просто выбросил.

– Порвать – значит преднамеренно уничтожить, вам так не кажется? Как она выглядела? – спросил кадровик, выдвигая очередной ящик стола. – Стойте пока на месте, не двигайтесь.

– На одной стороне было изображение девушки, а на другой – пара строк от Бена. Какая разница, что было в той открытке? Пожалуйста, уходите.

– Но что было написано на оборотной стороне?

– Ничего особенного. Он хвастался своей последней победой. «Дорогой Нед! Это мой очередной улов, и потому я рад, что тебя здесь нет. С любовью, Бен».

– Что он имел в виду? – Выдвинулся следующий ящик.

– Вероятно, радовался, что я не смогу отбить у него девушку, как я понял. Вообще-то, это была шутка.

– Вы часто отбивали у него девушек прежде?

– У нас с ним никогда не было общих знакомых среди женщин. Так что никогда.

– А что же тогда у вас с ним было общего?

– Мы просто дружили, – ответил я раздраженно. – И вообще, какого черта вы здесь роетесь? Что именно ищете? Думаю, вам лучше немедленно покинуть мою квартиру. Вам обоим.

Филин не сводил с меня глаз. Он продолжал разглядывать меня с жалостью и сочувствием, словно хотел сказать: такое может случиться с любым из нас, и тут уж ничего не поделаешь.

– Как была доставлена открытка, Нед? – спросил он.

Его голос, как и манера держаться, отличался некой печальной задумчивостью.

– По почте, как же еще? – Мой ответ мог прозвучать грубовато.

– Вы имеете в виду обычную почту? – Интонация Филина не изменилась. – А не служебную? В сумке курьера, например?

– Через нашу военную почту, – сказал я. – Полевое почтовое отделение. Открытка была отправлена из Берлина с английской маркой в углу. А мне ее принес наш почтальон.

– Вы, случайно, не запомнили номер полевой почты? – спросил похожий на Филина мужчина почти застенчиво. – Они обычно значатся на штампах, которыми гасят марки.

– Как мне показалось, это был обычный берлинский номер, – спокойно ответил я, стараясь сдерживать злость в разговоре с человеком, проявлявшим безукоризненную вежливость. – По-моему, сороковое отделение. Но почему это так важно? С меня уже достаточно недомолвок!

– А вы абсолютно уверены, что открытка была отправлена из Берлина? Мне нужно, чтобы вы припомнили, какое первоначальное впечатление она на вас произвела. Какой показалась, если напрячь память? И в берлинском номере у вас тоже нет сомнений?

– Она выглядела так же, как те, что он присылал мне раньше. Я не подвергал их тщательному изучению, – ответил я, и во мне снова начал вскипать гнев, когда кадровик вытащил еще один ящик и все вывалил из него на стол.

– А девушка? Из тех, что позируют для афиш и плакатов? – продолжал любопытствовать Филин с улыбкой, которая могла быть истолкована как извинение за действия кадровика и за его собственные.

– Если вы спрашиваете, была ли она обнаженной, то да. Как я предположил, дорогая проститутка. На фото она повернула голову, глядя назад через голое плечо. Потому я и поспешил избавиться от открытки. Чего доброго, ее могла увидеть моя уборщица.

– Ах, так теперь вы вспомнили точнее! – воскликнул начальник отдела кадров. – Вы ее выбросили, а не порвали. Стоило бы сказать об этом сразу!

– Я не стал бы горячиться, Рекс, – заметил Филин примирительно. – Нед был совершенно ошеломлен, когда вошел. Да и кто не оказался бы сбит с толку на его месте? – Его

встревоженный взгляд снова надолго задержался на мне. – Вы ведь сегодня ходили на задание с группой наружного наблюдения, так? Монти отзывается о вас самым положительным образом. Но, между прочим, она была цветная? Я снова вынужден вернуться к той открытке.

– Да.

– Он всегда присылал вам открытки или иногда писал письма?

– Только открытки.

– Сколько их было всего?

– Три или четыре с тех пор, как его туда направили.

– И все цветные?

– Не помню. Да, кажется, все.

– И всегда с изображениями девушек?

– Думаю, да.

– Что значит «думаете»? Вы же должны помнить такие подробности. Итак, всегда с девушками и неизменно обнаженными, как я полагаю?

– Да.

– Где остальные?

– Я, должно быть, выбросил все.

– Из-за уборщицы?

– Да.

– Чтобы не оскорбить ее чувства?

– Да!

Похожий на филина человек некоторое время обдумывал мои слова.

– Стало быть, эти грязные картинки – уж извините, не хочу придать своим словам оскорбительного для вас смысла, – стали для вас обоих дежурной шуткой?

– Да, но только для него.

– А вы сами не посылали ему в ответ ничего подобного? Пожалуйста, не стесняйтесь признаться, если посылали. Не нужно ложной стыдливости. У нас для нее слишком мало времени.

– Мне нечего стыдиться! Я не отправлял ему ничего подобного. Да, эти открытки служили своего рода шуткой. А фото становились с каждым разом все непристойнее. Если хотите знать, мне быстро надоело видеть их на столике при входе в дом, куда их клал для меня почтальон. Как и мистеру Симпсону. Это домовладелец. Он даже предложил написать Бену и попросить его больше не присылать ничего подобного. Сказал, что это создает его дому дурную репутацию. А теперь, пожалуйста, пусть один из вас просветит меня, что за чертовщину вы здесь устроили.

На этот раз ответил кадровик.

– А мы-то надеялись, что вы сами нам обо всем расскажете, – произнес он траурным тоном. – Бен Кавендиш исчез. Как и его агенты, но только несколько иначе. Потому что снимки двоих из их числа появились в сегодняшнем номере восточногерманской коммунистической «Нойес Дойчланд». Сеть британских агентов поймана с поличным! Лондонские вечерние издания тоже успели поместить эти материалы на своих полосах. Его никто не видел уже три дня. А это – мистер Смайли. Он хотел бы побеседовать с вами. И вы расскажете ему все, что вам известно. И когда я говорю «все», то именно это и имею в виду. Мы с вами увидимся позже.

Должно быть, на какое-то время я совершенно растерялся, потому что, когда вновь обратил внимание на Смайли, тот стоял на ковре гостиный и с мрачным видом изучал последствия разгрома, учиненного кадровиком и им самим.

– У меня дом как раз напротив, за рекой. На Байуотер-стрит, – сообщил он так, словно хотел избавиться от тягостной обязанности. – Пожалуй, нам лучше отправиться туда, если не возражаете. Там тоже не образцовый порядок, но все же получше, чем здесь.

Мы ехали в скромном маленьком «остине», принадлежавшем Смайли, так медленно, что со стороны могло показаться: перевозят инвалида. Впрочем, возможно, именно так Смайли меня и воспринимал. Сгущались сумерки. Белые фонари на мосту Альберта наплывали на нас, словно возникая из речной воды. Бен, в отчаянии думал я, что ты наделал? Бен, что с тобой сделали? На Байуотер-стрит машины стояли так плотно, что Смайли с трудом удалось найти место для парковки. Процесс парковки для него выглядел сложнее, чем швартовка к причалу огромного океанского лайнера. Мне запомнилось, как неудобно в тот момент было сидеть рядом с ним, поскольку он орудовал руками, вращая руль, совершенно забыв о моем существовании. Наконец он справился с проблемой, и мы вернулись немного назад по тротуару. Еще мне бросилось в глаза, что ему явно пришлось собираться с духом, прежде чем повернуть ключ в замке двери собственного дома, и настороженность, с которой он вошел в прихожую. Слово дом был для него небезопасным местом, и, насколько я узнал позже, у него имелись основания так думать. В холле до сих пор стояли доставленные утром две бутылки молока, а в гостиной – тарелка с недоеденной свининой и гарниром из фасоли.

Пластинка на проигрывателе бесшумно вращалась. Не требовалось выдающейся общительности, чтобы понять, как спешно его вызвали на службу. Вероятно, главный кадровик позвонил ему еще прошлым вечером, когда он ужинал и слушал музыку.

Смайли сразу же отправился на кухню, чтобы принести содовой и разбавить для нас виски. Я неотлучно следовал за ним. Было в Смайли нечто такое, что вызывало неодолимое желание не оставлять его в одиночестве. На кухне валялись вскрытые консервные банки, а в раковине скопилась гора грязной посуды. Пока он смешивал напитки, я невольно принялся мыть тарелки, и тогда он вытащил из какого-то угла полотенце, взявшись протирать вымытое мной и расставлять по местам.

– Вы с Беном считались подходящими друг другу напарниками, не так ли? – спросил он.

– Да. Мы даже в Саррате жили в одной хижине.

– Что за хижина? Кухня, две спальни и туалет с ванной?

– Все так, только без кухни.

– Но вас объединили в пару и для курса тренировок?

– Только в самый последний год. Ты выбирал себе противника, чтобы оба могли отрабатывать друг на друге изученные приемы и методы.

– Выбирали сами? Или это делали за вас?

– Сначала ты делал выбор сам, а потом кураторы либо одобряли такое решение, либо меняли напарника по своему усмотрению.

– И так вы объединились с ним, как обычно говорится по другому поводу, и в горе и в радости?

– Да, подходящее определение.

– На весь последний год обучения? То есть ровно на половину курса, верно? Днем и ночью вместе. Действительно напоминает семейную жизнь.

Я не мог понять, зачем он расспрашивает меня о вещах, заведомо ему известных.

– И вы все делали совместно? – продолжал он. – Простите за наивные вопросы, но сам я проходил обучение очень давно. Письменные уроки, практические задания, физическая подготовка – и всегда он рядом с вами, как и вечерами в хижине. Если разобраться, вы жили с ним одной жизнью.

– Да, мы выполняли порученную работу вдвоем, вместе и мышцы качали. Это подразумевалось само собой. Требовалось лишь, чтобы напарники изначально обладали примерно одинаковым весом и телосложением. – Несмотря на все еще тревожившую меня суть вопросов, я отчего-то ощутил настоятельную потребность поговорить с ним. – А остальное происходило уже самым естественным образом.

– Понятно.

– Иногда пары намеренно разделяли. Например, для занятий особого рода или если возникали подозрения, что один из напарников попал в чересчур сильную зависимость от другого. Но пока сохранялся паритет, никто не имел ничего против того, чтобы мы постоянно держались вместе.

– И вы во всем были первыми, – одобрительно заметил Смайли, протирая очередную мокрую тарелку. – Из вас получилась лучшая пара. Из вас с Беном.

– Думаю, в этом заслуга прежде всего Бена. Он действительно был лучшим из курсантов, – сказал я. – В паре с ним побеждать начал бы любой.

– Да, разумеется. Что ж, нам всем доводилось встречать таких людей. А вы были знакомы до того, как присоединились к секретной службе?

– Нет. Но при этом как бы шли параллельными путями. Мы окончили одну и ту же школу, хотя учились в разных потоках. Оба поступили в Оксфорд – опять-таки в разные колледжи. Оба изучали иностранные языки, но при этом ни разу не встретились. Он какое-то время отслужил в армии, а я во флоте. Объединил же нас только Цирк.

Взяв в руку чашку тончайшего костяного фарфора, Смайли принялся пристально осматривать ее, словно искал место, которое я плохо помыл, не заметив этого.

– Вы бы сами отправили Бена в Берлин?

– Конечно. Почему же нет?

– А почему да?

– У него прекрасный немецкий язык от матери. Он умен. Изобретателен. Люди обычно делают все, о чем он их просит. И у его отца тоже был потрясающий послужной список во время войны.

– Но ваша мать отличилась в не меньшей степени, насколько я помню. – Смайли имел в виду работу моей матери в рядах голландского Сопротивления. – А что особенного сделал он? Я имею в виду отца Бена, – продолжал он, словно ему ничего не было известно.

– Он взламывал вражеские шифры, – ответил я с той же гордостью, с какой рассказывал об отце сам Бен. – Блестящий лингвист и математик. Гений в своей области, насколько я понимаю. Затем он организовал целую систему двойных агентов – обрабатывал пойманных немецких шпионов и заставлял работать на нас. Роль моей матери в борьбе против фашизма выглядит совсем незначительной в сравнении с такими достижениями.

– И Бен находился под большим впечатлением от деятельности отца?

– А кого бы она не впечатлила?

– Я хотел отметить, что он, видимо, часто рассказывал об этом, верно? – упорно задавал банальные вопросы Смайли. – Ведь действительно часто? Отец сыграл заметную роль в его жизни. У вас тоже сложилось такое мнение?

– Он даже говорил, что ему самому следует равняться на отца. И еще подчеркивал, что подвиги отца сглаживали неудобства, которые создавала ему мать-немка.

– О боже! – воскликнул Смайли с печальным видом. – Вот бедняга. Вы точно передаете его слова? Ничего не приукрашиваете?

– Конечно, нет! Он говорил, что с такой родословной в Англии ему приходилось бежать в два раза быстрее всех остальных, чтобы быть хотя бы на равных.

Теперь Смайли выглядел совершенно расстроенным и обеспокоенным.

– О боже! – повторил он. – Как же недобро он относился к ней... Но скажите мне вот еще что. Как вы думаете, он обладал выносливостью?

Ему снова удалось немного ошарашить меня. В таком возрасте мы считали свою выносливость поистине неисчерпаемой.

– Выносливостью в каком смысле и для чего? – спросил я.

– Ну, даже не знаю. Много ли выносливости требуется, например, чтобы бегать в два раза быстрее всех в Берлине? Нужен двойной запас нервной энергии, как мне представляется. Ведь живешь в постоянном напряжении. Двойная устойчивость к алкоголю, а уж что касается женщин, то и это намного тяжелее.

– Уверен, он наделен всеми необходимыми качествами, – сказал я, сохраняя преданность другу.

Смайли повесил полотенце на вбитый в стену кухни кривой гвоздь – явно его собственный вклад в обустройство кухни.

– А о политике вы с ним когда-нибудь разговаривали? Наедине, разумеется, – спросил он, когда мы со стаканами виски переходили в гостиную.

– Ни разу.

– Вот теперь я верю, что он – человек разумный. – Смайли издал короткий, не слишком веселый смешок, а я рассмеялся от души.

При первом посещении я сразу же разделяю все дома на типично мужские и характерно женские. Жилище Смайли показалось мне несомненно принадлежавшим к женскому типу, с симпатичными занавесочками на окнах, зеркалами в резных рамах и некоторыми другими признаками участия женщины в создании уюта. Мне стало любопытно, с кем он делит свой кров, если делит вообще. Мы расположились в креслах.

– А есть хотя бы одна причина, в силу которой вы все же могли бы отказаться направить Бена в Берлин? – возобновил ненавязчивый допрос Смайли, улыбнувшись мне поверх ободка стакана.

– Есть. Я сам очень хотел получить туда назначение. Каждому хочется хотя бы недолго поработать в Берлине. В наши дни именно там проходит нечто вроде линии фронта.

– Он действительно просто исчез, – сказал Смайли, откидываясь назад и закрыв глаза. – Мы ничего от вас не скрываем. Расскажу все, что нам известно на сегодняшний день. В прошлый четверг он пересек границу Восточного Берлина, чтобы встретиться со своим основным агентом, господином, которого зовут Ганс Зайдль. Его снимок вы сможете увидеть в утренней «Нойес Дойчланд». Это должно было стать для Бена первым свиданием с ним наедине. Большое событие в жизни разведчика. Начальник Бена в Западном Берлине – некий Хаггарти. Вы знакомы с Хаггарти?

– Нет.

– Но хотя бы слышали о нем?

– Нет.

– Бен никогда не упоминал при вас его фамилию?

– Нет. Говорю же, мне эта фамилия совершенно не известна.

– Простите за назойливость. Просто порой ответ может изменяться в зависимости от контекста, если вы меня понимаете.

Я ничего не понимал.

– Хаггарти – второй человек в нашей берлинской резидентуре, и он подчиняется только главе разведывательного подразделения. Об этом вы тоже не осведомлены?

– Нет.

– У Бена есть в Англии постоянная возлюбленная?

– Если и есть, то я ничего о ней не знаю.

– А временные связи?

– Нам стоило только отправиться с ним на танцы, как девушки висли на нем гроздьями.

– Что обычно происходило после танцев?

– Он никогда не бахвалился своими успехами на любовном фронте. Не в его натуре. Даже если он спал с ними, то ничего не рассказывал. Не такой он человек.

– Мне сообщили, что вы с Беном и часть отпусков проводили вместе. Куда вы обычно отправлялись?

– В Твикенхэм или в Лордс. Чтобы порыбачить немного. На побережье мы жили либо у моих, либо у его родственников.

Я никак не мог уяснить, почему слова Смайли так пугали меня. Вероятно, сильно переживая за Бена, я начал страшиться буквально всего. У меня зародилось подозрение: уж не считает ли Смайли и меня в чем-то виновным? Хотя ему самому еще только предстояло определить, в чем именно. По крайней мере, его пересказ событий звучал как перечисление улик.

– Первым номером у нас значится Уиллис, – сказал он так, словно мы сменили тему беседы или направили ее в иное русло. – Уиллис возглавляет берлинскую штаб-квартиру нашей разведки. Затем следует Хаггарты – старший офицер, заместитель Уиллиса и непосредственный начальник Бена. Хаггарты отвечает за повседневную работу сети Зайдля, состоящей (или, если быть точным, – состоявшей) из двенадцати агентов. Девяти мужчин и трех женщин. Все они уже арестованы. Чтобы руководить таким количеством глубоко законспирированных агентов, державших с нами связь либо по радио, либо путем обмена шифрованными письменными сообщениями, в резидентуре должна работать команда, хотя бы равная им по численности. Я уж не говорю о тех людях, которые дают оценку добытой ими информации и распределяют по отделам в Лондоне.

– Это я знаю.

– Уверен, что знаете, но уж позвольте повторить еще раз, ладно? – продолжал он тем же немного занудным тоном. – Тогда вы, быть может, облегчите мне понимание некоторых неясностей в этом деле. Хаггарты – сильная личность. Уроженец Ольстера. Вне службы он пьяница, скандалист и вообще человек крайне неприятный. Но на работе совершенно меняется, не позволяя себе ничего лишнего. Это добросовестный сотрудник, обладающий к тому же совершенно феноменальной памятью. Спрошу снова: вы можете поручиться, что Бен никогда вам о нем не рассказывал?

– Ответ будет тот же: нет.

Я вовсе не хотел быть с ним столь категоричным. Но, как я заметил, есть нечто мистическое в том, сколько раз ты можешь что-либо отрицать и ни разу рано или поздно не сфальшивить, не показаться лжецом даже самому себе, и именно эту мистику использовал Смайли, чтобы вытащить из меня нечто, чего, быть может, до конца не осознавал даже я.

– Да-да, вы мне уже говорили, что не рассказывал, – подтвердил он со своей обычной обходительностью. – И я слышал ваше «нет». Но подумал: вдруг мне удалось что-то всколыхнуть в вашей памяти.

– Нет. Не удалось.

– Хаггарты и Зайдль были настоящими друзьями, – продолжил он, заговорив еще медленнее, если это было вообще возможно. – То есть настолько близкими, насколько допускалось с профессиональной точки зрения. Зайдль был военнопленным в Англии, а Хаггарты – в Германии. И пока в сорок четвертом году Зайдль работал на ферме близ Сиренчестера – в щадящих условиях, созданных нами для немецких пленных, – он завел роман с одной английской провинциалкой. Охранник лагеря по доброте душевной оставлял для него за воротами велосипед, повесив на руль армейскую шинель, чтобы скрыть лагерную робу Зайдля. И поскольку тот всегда успевал вернуться в барак к утренней переключке, охранник закрывал на его отлучки глаза. Когда же на свет появился ребенок, вся охрана Зайдля, как и

товарищи по заключению, пришли на крестины. Очаровательно, правда? Англичане поистине проявили лучшие качества своего национального характера. Эта история вам ни о чем не напоминает?

– Как она может мне о чем-то напоминать? Речь идет о секретном агенте.

– О провалившемся агенте. Об одном из тех, с кем контактировал Бен. То, что пережил Хаггарти в нацистском концлагере, далеко не столь идиллично. Но не в этом дело. В сорок восьмом году, когда Хаггарти формально числился сотрудником контрольной комиссии, он познакомился с Зайдлем в одном из баров Ганновера, завербовал его и переправил в Восточную Германию, в его родной Лейпциг. И с тех пор оставался его куратором. Причем личная дружба между Хаггарти и Зайдлем служила едва ли не главным стержнем деятельности берлинской резидентуры последние пятнадцать лет. К моменту своего ареста на прошлой неделе Зайдль являлся четвертым по важности занимаемого поста в Министерстве иностранных дел ГДР. Он был в свое время их послом в Гаване. И все же вы ничего о нем не слышали. Никто ни разу не упоминал при вас его фамилии. Ни Бен, ни кто-либо еще.

– Нет, – ответил я и как сумел дать понять, что мне уже надоел этот вопрос.

– У Хаггарти вошло в привычку раз в месяц отправляться в Восточный Берлин и получать от Зайдля подробную информацию. В машине, на явочной квартире, на скамейке в парке – где угодно, как у нас заведено. После возведения Стены пришлось на время прекратить свидания и потом с крайней осторожностью возобновить их. Трюк заключался в том, чтобы пересечь границу на машине с маркировкой альянса четырех держав-победительниц – к примеру, на обычном армейском джипе, – потом совершить подмену водителя, выскочив в условленном месте и пересев в другой автомобиль. Может показаться, что операция была достаточно рискованной, но на практике она осуществлялась вполне успешно. Если Хаггарти уезжал в отпуск или хворал, встречи отменялись. И вот пару месяцев назад в нашем головном офисе в Лондоне решили, что Хаггарти пора представить Зайдля своему преемнику. Хаггарти уже перешел черту пенсионного возраста, а Уиллис проторчал в Берлине так долго, что его там каждая собака знала. К тому же он владел слишком многими секретами, чтобы ему разрешили свободно разгуливать по другую сторону «железного занавеса». Вот почему Бен получил назначение в Берлин. Он стал там новичком. Совершенно незаметной фигурой, ничем не примечательной. Хаггарти лично проинструктировал его. Причем, насколько я понял, проинструктировал очень основательно и жестко, не щадя чувств Бена. Хаггарти всегда отличался профессиональной жесткостью, а руководство агентурной сетью из двенадцати человек – дело весьма сложное. Кто на кого работает и почему, кому известны личности других агентов, оборванные прежние связи, шифры, курьеры, кодовые имена, символы, умение вести сеансы радиосвязи, действующие и уже не используемые тайники, чернила для тайнописи, автомобили, денежные вознаграждения, дети, дни рождения членов семей, жены и любовницы. Слишком много, чтобы сразу все запомнить, не так ли?

– Знаю.

– Выходит, Бен все же рассказывал вам о своих сложностях?

Я и на этот раз не клюнул на заброшенный им крючок, преисполнившись решимости не попадаться ни на какие уловки.

– Мы проходили все это на учебных занятиях. Досконально, – ответил я.

– Верно, должны были проходить. Проблема же в том, что теория никогда полностью не соответствует реальности, вы согласны? Кто помимо вас был его лучшим другом?

– Сразу и не соображу. – Меня застал врасплох внезапно заданный новый вопрос. – Вероятно, Джереми.

– Какой Джереми?

– Галт. Он учился в нашей группе.

– А среди девушек?

– Но я же говорил. Он никого из них не выделял особо.

– Хаггарти хотел лично привезти Бена в Восточный Берлин и представить агенту, – возобновил рассказ Смайли. – Но Пятый этаж не мог этого допустить. Там уже поставили себе целью постепенно вывести агента из сферы влияния Хаггарти и не считали нужным посылать в тыл врага двух человек. Там и одного было, на их взгляд, вполне достаточно. А потому Хаггарти пришлось показать Бену все детали предстоявшей встречи по плану города, и Бен переправился в Восточный Берлин один. В среду он совершил пробную поездку, чтобы сориентироваться на местности. В четверг снова поехал туда, но уже на реальное задание. Границу он пересек вполне официально на «хумбере», принадлежавшем контрольной комиссии. Проехал через пропускной пункт «Чарли» и незаметно выбрался из машины в условленном месте. Человек, подменивший его, катался потом по городу три часа в полном соответствии с обычным планом. Бен успешно вернулся в доставивший его автомобиль в десять минут седьмого вечера и без десяти семь вновь оказался в Западном Берлине. Время его возвращения зафиксировано в регистрационной книге дежурных на КПП «Чарли». Потом попросил высадить его у дома, где снимал квартиру. Безукоризненно выполненное задание. Уиллис и Хаггарти ждали его в помещении резидентуры, но он лишь позвонил им из дома. Сказал, что встреча прошла успешно, но он не привез с собой ничего, кроме высокой температуры и какой-то кишечной инфекции. Не могли бы они отложить беседу до утра? К сожалению, они сочли это возможным. И с тех пор уже не виделись с ним и ничего о нем не слышали. Вопреки ссылкам на болезненное состояние, его голос по телефону звучал вполне жизнерадостно, но они списали это на нервное возбуждение. Кстати, при вас Бен болел когда-нибудь?

– Нет.

– Он лишь коротко рассказал, что их общий друг в отличной форме, превосходный человек и так далее. Конечно, нельзя было делать более детальный доклад по открытой телефонной линии. На его постели никто в ту ночь не спал, и он не прихватил с собой никакой дополнительной одежды. Нет даже прямых доказательств, что и позвонил он именно из своей квартиры. Ничто не указывает на возможность похищения, хотя и это нельзя полностью исключить. Если он собирался стать перебежчиком, то почему не задержался в Восточном Берлине? Его не могли завербовать и сделать двойным агентом – в таком случае арест агентов стал бы большой ошибкой с их стороны. А похитить его оказалось бы гораздо проще, пока он еще находился по ту сторону Стены. Нет никаких указаний на то, что он вообще покинул Западный Берлин по одному из официально открытых маршрутов – ни поездом, ни на машине, ни самолетом. Хотя контроль там налажен слабо, а он, как вы сами сказали, прошел хорошую подготовку. Но мы пока считаем, что он все еще на территории Западного Берлина. Но в то же время нам пришло в голову, что он мог появиться у вас. Не надо делать такие удивленные глаза. Вы ведь его лучший друг, не так ли? Самый лучший. Ближе вас у него никого нет. Молодой Галт не идет с вами ни в какое сравнение. Так заявил нам он сам. «У Бена был только один настоящий друг – Нед, – сказал он. – И если бы Бену понадобилась помощь одного из нас, он обратился бы в первую очередь к Неду». И боюсь, улика подтверждает подобный вывод.

– Какая еще улика?

Никаких многозначительных пауз, ни малейшего изменения тональности голоса на более драматическую, никаких предостерегающих предисловий. Передо мной был все тот же милый старина Джордж Смайли, вечно словно извинявшийся за что-то.

– В его квартире было найдено адресованное вам письмо, – сказал он. – Оно даже не датировано. Просто лежало в одном из ящиков стола. Скорее каракули, чем четкий и разборчивый почерк. Вероятно, он был сильно пьян. И это любовное письмо, вот что самое интригующее.

Он протянул мне фотокопию для ознакомления, а сам принялся смешивать для нас еще виски.

Возможно, я делаю это, чтобы помочь себе вновь пережить испытанное тогда ощущение острого дискомфорта, но неизменно, восстанавливая в памяти подробности той сцены, я мысленно переключаюсь на точку зрения Смайли. Воображаю, каково было ему в подобной ситуации.

Представшую перед его глазами картину достаточно легко нарисовать во всех подробностях. Совсем еще молодой вчерашний курсант, старавшийся выглядеть старше своих лет и куривший трубку, бывший моряк, умевший в нужный момент кивать с важным видом мудреца, мальчишка, которому не терпелось повзрослеть, – и вот вам портрет Неда начала шестидесятых годов.

Гораздо сложнее оказалось то, что было скрыто в мыслях самого Смайли, но могло оказать существенное влияние на его восприятие моей личности. Хотя я тогда ничего об этом не знал, Цирк переживал трудные времена, и будущее организации оказалось под большим вопросом. Арест агентов Бена – настоящая трагедия – стал лишь последним звеном в цепи катастрофических событий, произошедших тогда в разных уголках планеты. Бесследно исчезли трое сотрудников станции прослушивания, принадлежавшей Цирку в северной части Японии. Нам порой за одну ночь ухитрялись перекрывать все пути к отступлению. Мы лишились разведывательных сетей в Венгрии, Чехословакии и Болгарии – причем в течение всего одного месяца. А в Вашингтоне американские кузены все громче выражали недовольство нашей ненадежностью как партнеров, что угрожало навсегда положить конец прежде плодотворному сотрудничеству с ними.

В такой атмосфере неизбежно чуть ли не ежедневно стали выдвигаться самые чудовищные версии. У людей быстро формируется мрачный и пессимистический образ мыслей. Уже ничто не воспринимается как досадная случайность или недоразумение. Везде мерещится злой умысел. Если Цирку удавалось добиться успеха, то только потому, что враги позволили нам временно восторжествовать в своих стратегических целях. Расцвело мнение, что если уж мы провинились однажды, то виноваты буквально во всем. С точки зрения американцев, в Цирк внедрился не один «крот», а целое семейство, все члены которого искусно способствовали продвижению друг друга по службе. А объединяла их всех не столько непреклонная вера в идеи Маркса (что подразумевалось само собой), но в гораздо большей степени ужасная склонность многих англичан к гомосексуализму.

Я читал письмо Бена. Двадцать строк. Без подписи. Нацарапанное на одной стороне белого листка стандартного бланка нашей организации, не помеченного никакими водяными знаками. Почерк Бена, но какой-то скособоченный. Ни одного слова не вычеркнуто. Да, он, по всей видимости, был-таки сильно пьян.

В письме, в котором Бен обращался ко мне «Нед, любимый!», он касался ладонями моего лица, тянулся губами к моим губам, целовал меня в веки и в шею, но, хвала Господу, на этом его плотские позывы завершались.

В послании почти не встречались прилагательные и определения. Оно выглядело совершенно безыскусным, но именно простота и смущала больше всего. Его нельзя было бы даже отнести к какому-то определенному периоду времени. Стиль не выглядел шутилым или архаичным, напоминал древнегреческий или принятый в двадцатых годах. Это был ничем не приукрашенный гомосексуальный зов, исполненный страсти ко мне, со стороны человека, которого я всегда знал лишь как своего напарника и надежного друга.

Но, читая, я не сомневался, что письмо написал именно Бен. В мучительном пароксизме признававшийся, что испытывал ко мне чувство, о котором я никогда не подозревал, но теперь в этих строках видел: мне придется признать горькую правду, прозреть истину. Веро-

ятно, это само по себе делало меня виновным. Ведь я стал объектом пылкого сексуального вожделения, пусть никогда сознательно не пытался вызвать его, пусть никоим образом не питал к Бену ответной страсти. Письмо стало его извинением передо мной и на этом закончилось. Причем мне не показалось, что оно осталось незавершенным. Ему просто нечего было больше мне сказать.

– Ничего не знал об этом, – изумленно пробормотал я.

Письмо я вернул Смайли, а тот сунул его в карман, не сводя глаз с моего лица.

– Или не знали, что на самом деле знаете, – предположил он.

– Я действительно ничего не знал, – горячо возразил я. – Чего вы добиваетесь? Какого еще ответа от меня ждете?

Здесь вам важно понять особое положение Смайли в Цирке, учесть, до какой степени уважительно относились к самому его имени многие представители моего поколения и старшие коллеги тоже. Он ждал. Никогда в жизни не забыть мне его поразительной способности терпеливо ждать, словно излучая при этом некую сокрушительную мощь. Внезапно разразился ливень, звуки которого создавали эффект аплодисментов, какими всегда сопровождаются проливные дожди в узких улочках Лондона. И если бы Смайли заявил, что это он управляет стихией, я бы поверил, нисколько не удивившись его словам.

– В Англии ты в любом случае ни о ком ничего не знаешь до конца, – произнес я наконец достаточно злобно, стараясь взять себя в руки, хотя одному Богу известно, что я хотел выразить своей фразой. – Вот, например, Джек Артур не женат, верно? Ему некуда деться по вечерам. И он пьет со своими приятелями до самого закрытия паба. А потом продолжает пить дома. Но никто не подозревает его в отклонении от сексуальной нормы. Хотя, если завтра его застанут в постели с двумя поварами, мы дружно заявим, что давно обо всем догадывались. По крайней мере я. Это совершенно непредсказуемо.

Я продолжал свою спотыкавшуюся на каждом слове речь, сам осознавая, что все это глупо, пытаюсь найти выход из положения, но не обнаруживая его. В данном случае высказывать протест вообще не следовало, но я все равно продолжал протестовать.

– И вообще, где было обнаружено это письмо? – потребовал я ответа в попытке перехватить инициативу.

– В ящике его письменного стола. Кажется, я упомянул об этом.

– В пустом ящике?

– А разве это имеет значение?

– Имеет, и еще какое! Если оно затерялось среди кипы других бумаг, это одно. Но если его специально положили на видное место, чтобы вам легче было его обнаружить, – то совершенно другое. Может, Бена принудили его написать?

– О, я уверен, письмо он написал вынужденно, – сказал Смайли. – Вопрос лишь в том, что именно его вынудило. Вы знали, насколько он одинок? Если в его жизни не существовало никого, кроме вас, то ответ представляется мне вполне очевидным.

– Тогда почему это упустили кадровики? – спросил я с прежней заносчивостью. – Господи, да всех нас подвергали долгой проверке, прежде чем принять в Цирк. Изучали со всех сторон. Разнюхивали каждую сплетню. Разговаривали с нашими друзьями, родственниками, учителями, университетскими преподавателями. Они знают о Бене гораздо больше, чем я.

– Давайте предположим, что в данном случае начальник отдела кадров допустил оплошность, не слишком добросовестно выполнив свою работу. Он все же обычный человек, мы все живем в Англии и потому представляем собой нечто вроде единого клана. Не лучше ли нам вернуться к тому Бену, который столь внезапно исчез? К Бену, написавшему вам письмо. У него действительно не было человека более близкого, чем вы. Ведь даже вы сами такого не знаете. Конечно, могло существовать множество людей, о которых вы ничего

не знали, и потому здесь нет ни малейшей вашей вины. Но ведь никого не было. С этим вопросом мы разобрались, верно?

– Да!

– Очень хорошо. Тогда мы вполне можем теперь перейти к тому, что вы о нем знали. Не возражаете?

Исподволь ему удалось вернуть меня к реальности, спустить с небес на землю, и мы продолжали разговор до наступления серого рассвета нового дня. Дождь давно прошел, за окном шумели проснувшиеся скворцы, а мы все еще беседовали. Хотя если быть точным, то говорил я, а Смайли слушал меня, как умеет слушать только он – полузакрыв глаза и опустив голову. Мне казалось, я делюсь с ним всем, что мне известно. И он, вероятно, тоже так считал, хотя сомневаюсь, что оценивали мы рассказанное одинаково. Прежде всего он гораздо лучше меня разбирался в сути самообмана, который многим из нас не только облегчает жизнь, но даже помогает выживать. Зазвонил телефон. Он немного послушал, сказал: «Благодарю вас». И положил трубку.

– Бен все еще не обнаружен, и не появилось никаких новых следов для его поисков, – сообщил он. – Таким образом, вы остаетесь для нас единственным ключом к пониманию его мотивов.

Насколько я помню, записей сам Смайли не вел, а был ли где-то спрятан включенный магнитофон, мне неизвестно и по сей день. Сомневаюсь. Он терпеть не мог технических приспособлений, а его память служила надежнее, чем звукозаписывающие устройства.

Я говорил о Бене, но в такой же степени рассказывал о себе самом, чего Смайли и добивался: понять с моей помощью причины поступков Бена. Я заново описал ему тот род параллельных прямых, по которым развивалась наша жизнь в юности. Как я завидовал героизму его отца – завидовал еще и потому, что собственного отца не помнил совсем. Не утаил я и обоюдного волнения, охватившего нас с Беном, когда мы начали выяснять, насколько много у нас общего. Нет, повторил я снова, мне ничего не было известно о его женщинах, если не считать матери, которая к тому времени уже умерла. И здесь я не заблуждался, а действительно мог уверенно говорить об этом.

В детстве, доверил я Смайли свой маленький секрет, я иногда задумывался, а не существует ли где-то в мире второго меня, другой моей версии, некоего тайного брата-близнеца, у которого были те же игрушки, та же одежда и даже те же родители. Возможно, подобные мысли мне навеяла какая-то прочитанная книжка. Я ведь оставался еще ребенком. Но, как оказалось, то же самое происходило и с Беном. Я рассказывал обо всем этом Смайли, поскольку уже преисполнился решимости вести беседу с ним без околичностей, излагая мысли и воспоминания в том порядке, в котором они приходили ко мне, пусть что-то из сказанного могло даже усугубить мою вину в его глазах. Сознательно я ничего не пытался от него скрыть, хотя порой подозревал, что некоторые детали потенциально разрушительны для моей репутации. Непостижимым образом Смайли убедил меня, что откровенность – это мой долг по отношению к Бену. А если свести все к подсознанию... В таком случае картина складывалась, должно быть, совершенно иная. Кто мог знать, что продолжает таить в себе человек (даже от самого себя), когда его вынуждают говорить спасительную для него правду?

Я рассказал о нашей первой встрече с Беном на учебной базе Цирка в Ламбете, где собрали только что отобранную новую группу будущих курсантов. До той поры ни один из нас не был знаком ни с кем из прочих новобранцев. Мы едва ли успели еще толком узнать, что такое Цирк, если уж на то пошло, потому что до того дня его для нас воплощали лишь офицеры, завербовавшие нас, и специалисты из команды, занимавшейся окончательным отбором, проверкой и утверждением кандидатов. Многие имели самое смутное представление, куда их угораздило попасть. И вот наконец настал момент, когда мы были вправе ожидать

объяснений, получили возможность познакомиться друг с другом, узнать род наших будущих занятий. С этой целью мы и собрались в приемной и были похожи, видимо, на героев романов об Иностранном легионе. Каждый лелеял какую-то тайную мечту, каждый имел свои и тоже тайные причины оказаться в этом месте, все захватили с собой вещевые мешки с одинаковым количеством рубашек и трусов, на которые с помощью индийских чернил нанесли свои личные номера, подчиняясь указаниям в инструкциях, отпечатанных на листах бумаги без всяких заголовков. Мне достался девятый номер. Бену – десятый. Когда я вошел в комнату, передо мной там уже оказались двое – Бен и коренастый маленький шотландец по имени Джимми. С Джимми я просто поздоровался кивком, а вот с Беном мы сразу признали друг друга – я имею в виду, узнали не по школе или университету, а именно признали, как люди не только одинакового телосложения, но и темперамента.

– Входит третий убийца, – сказал он, пожимая мне руку, хотя момент, чтобы цитировать авторскую ремарку из трагедии Шекспира, показался не самым подходящим. – Меня зовут Бен, а это Джимми. Как я понимаю, иметь фамилий нам больше не полагается. Джимми вот оставил свою в родном Абердине.

Я обменялся рукопожатиями с Беном и Джимми, после чего стал ждать, сидя на скамье рядом с Беном, кто войдет в дверь следующим.

– Ставлю пять к одному, у него будут усы, десять к одному на бороду, тридцать к одному, что он носит зеленые носки, – сказал Бен.

– И один к одному на плащ, – усмехнулся я.

Я рассказал Смайли о тренировочных заданиях, которые мы выполняли в незнакомых местах, где должны были придумать себе «легенду», встретиться со связником, а потом перенести испытание арестом и допросом. Я дал ему понять, насколько подобные эскапады укрепляли наше доверие друг к другу, как было, например, при первом совместном прыжке с парашютом или во время ночного похода по горам Шотландии, когда ориентироваться приходилось только по компасу, или при поиске тщательно замаскированных тайников в богом забытых городках Центральной Англии, или при высадке на пляж с подводной лодки.

Я напомнил ему, как наше руководство порой в завуалированной форме ссылалось на героического отца Бена, с гордостью подчеркивая то, что сын теперь проходит у них обучение. Я рассказал ему о наших развлечениях в выходные дни. Как однажды мы гостили в доме у моей матери в Глостершире, а в другой раз – у его отца в Шропшире. А поскольку наши родители вдовствовали, мы забавлялись, придумывая возможности свести их и поженить. Но в реальности шансы выглядели мизерными. Моя мать с ее упрямым англо-голландским характером жила в веселом и суетливом окружении сестер, племянников и племянниц, которые все сгодились бы в модели для портретов работы Брейгеля, а отец Бена превратился в ученого-отшельника с единственной еще оставшейся привязанностью, и ею была музыка Баха.

– Бен боготворит его, – заметил Смайли, вновь возвращаясь к уже пройденной теме нашей беседы.

– Да. Он и матушку свою обожал, но она умерла. А отец превратился для него в своего рода икону.

Помню, как настойчиво, стыдливо, но сознательно избегал тогда в своем рассказе слова «любовь», потому что его употребил Бен, описывая свои чувства ко мне.

Я рассказал о том, как Бен пил, хотя опять-таки подозревал, что Смайли все об этом известно. Бен обычно пил очень мало или вообще воздерживался от спиртного, но однажды наступал вечер – скажем, в четверг, когда уикенд был уже на носу, – и он принимался поглощать алкоголь ненасытно. Виски, водку, что угодно. За здоровье Бена, за здоровье Арно, а потом еще и еще. Затем заваливался спать, пьяный до умопомрачения, но совершенно без-

вредный, а утром выглядел таким бодрым, словно только что отработал две недели на свежем воздухе оздоровительной фермы.

– И рядом не было никого, кроме вас, – покачал головой Смайли. – Бедняга! Нелегкая задача – одному справляться с таким морем обаяния.

Я вспоминал, я путался и сбивался, но продолжал рассказ в том порядке, в каком прошлое воскресало у меня в памяти, вроде бы ничего не скрывая, но чувствовал: он по-прежнему ждет, чтобы я упомянул о чем-то, что удерживал пока в себе, надеялся вместе со мной разобраться, о чем именно. Осознавал ли я свою неполную откровенность? Могу теперь ответить так, как позже ответил себе: я и не подозревал, что знаю об этом. У меня ушло еще ровно двадцать четыре часа внутреннего самодопроса, чтобы извлечь секрет из темного угла, где он таился. В четыре часа утра Смайли велел мне отправиться домой и поспать. И мне не следовало далеко отходить от телефона, не уведомив главного кадровика, что у меня на уме.

– За вашей квартирой, конечно же, установят наблюдение, – предупредил он меня, пока я дожидался такси. – И, пожалуйста, не воспринимайте происходящее как нечто, направленное против вас лично. Если сами задумаете побег, у вас будет очень немного гаваней, где вы сможете безопасно бросить якорь в разгар такого шторма. А Бену ваша квартира может представляться чуть ли не единственной тихой заводью. При условии, что мы правы и у него больше никого нет, за исключением отца. Но ведь к нему он не отправится, верно? Устыдится самого себя. Ему понадобятся вы. Вот почему ваша квартира под наблюдением. Это совершенно естественно.

– Понимаю, – произнес я спокойно, хотя меня вновь охватило отвращение.

– В конце концов, действительно нет ни одного ровесника, кто нравился бы ему больше вас.

– Да, мне все ясно, – повторил я.

– С другой стороны, он тоже не дурак и хорошо разбирается в нашем образе мыслей и действий. Едва ли он сам верит, что вы укроете его в некоем тайнике своей квартиры, не сообщив об этом нам. Вы ведь нам сообщили бы обо всем, или я ошибаюсь?

– Да, я не смог бы не поставить вас в известность.

– И если еще не лишился здравомыслия, он тоже понимает это, что почти исключает его визит к вам. Но все же он может попытаться заскочить за советом или помощью. Или просто чтобы выпить. Это крайне маловероятно, но мы не должны пренебрегать такой возможностью. Вы все-таки лучший из его друзей, и никто здесь не может сравниться с вами. Верно?

Мне больше всего хотелось, чтобы он перестал общаться со мной подобным образом. До этого момента Смайли проявлял достаточно деликатности, чтобы не намекать на объяснение Бена в любви ко мне. Но внезапно оказалось, он готов посыпать свежей соли на рану.

– Само собой, он вполне мог написать не только вам, но и другим, – вслух размышлял Смайли. – Как мужчинам, так и женщинам. И тут нет ничего невероятного. Порой в жизни человека наступает момент такого отчаяния, что он готов признаваться в любви всем подряд. К этому порой прибегают умирающие или решившиеся на безумный поступок. Вот только разница в том, что такие письма он бы непременно отправил. Но мы не можем устроить опрос среди всех знакомых Бена, не присылал ли он им в последнее время исполненных страсти писем. Этого не следует делать хотя бы из соображений конспирации. А кроме того, с кого бы нам следовало начать? Вот вопрос вопросов. Вам было бы полезно попытаться поставить себя на место Бена в его нынешнем положении.

Намеренно ли он внедрил мне мысль о необходимости самокопания? Позже я убедился, что намеренно. Помню его встревоженный, но пронизательный взгляд, когда он усаживал меня в такси. Помню, как оглянулся сам, прежде чем машина свернула за угол, и уви-

дел его плотную фигуру, – он стоял посреди улицы и смотрел мне вслед так, словно хотел еще раз напомнить мне: «Вам полезно попытаться поставить себя на место Бена».

Я оказался в каком-то головокружительном водовороте. Мой день начался рано утром на Саут-Одли-стрит и продолжался до сих пор почти без сна через приключение с «обезьяной» Панды и письмо Бена. Кофе у Смайли и мое собственное ощущение, что я стал жертвой совершенно невероятных обстоятельств, довершили дело. Но, клянусь, имя Стефани все еще никак не всплывало в памяти – ни на поверхности, ни в потаенных глубинах. Стефани не существовало. Ни о ком и никогда прежде, могу утверждать уверенно, я не забывал столь основательно.

Когда я вернулся домой, периодические приступы тошноты, все еще вызывавшиеся неожиданно обнаружившейся любовной страстью Бена ко мне, полностью сменились тревогой по поводу его безопасности. В гостиную я почти до комичности театральным взглядом окинул софу, на которой он так часто любил вытянуться после долгого дня тренировок в Ламбете. «Думаю, а не остаться ли мне здесь на ночь, если не возражаешь, старина? Все веселее, чем одному дома. Дома ночует только Арно. А Бен предпочитает отсыпаться в гостях». Зайдя в кухню, он приложил ладонь к старой железной плите, на которой я жарил ему яичницу для позднего ужина. «Боже милосердный, Нед! И это твоя плита? Похожа на старье, которым мы были вооружены в Крымской войне, поэтому и проиграли».

Выключив лампу у кровати, я еще долго слышал тогда его голос из-за заменявшей стену тонкой перегородки – он выдвигал одну безумную идею за другой. И припоминал словечки, которые мы употребляли, – понятный только нам двоим язык.

– Знаешь, как нам следует поступить с нашим братом Насером?

– Нет, Бен.

– Надо отдать ему Израиль. А знаешь, что нам делать с евреями?

– Нет, Бен.

– Отдать им Египет.

– Зачем же, Бен?

– Людей всегда удовлетворяет только то, что им не принадлежит. Знаешь историю о скорпионе и лягушке, переправлявшихся через Нил?

– Знаю, конечно. А теперь заткнись и спи.

Но он все равно принимался рассказывать мне историю, которую нам впервые поведали на занятиях в Саррате. Скорпион был проникшим в наш лагерь шпионом, и ему было необходимо связаться со своей командой, оставшейся на противоположном берегу. Но лягушка оказалась двойным агентом. Она сделала вид, что поверила в «легенду» скорпиона, а потом разоблачила его перед своим начальством.

А утром, когда я просыпался, Бена уже не было. Обычно он оставлял краткую записку. Вроде: «До встречи в Борстале! – Именем этой колонии для несовершеннолетних преступников он окрестил Саррат. – С любовью, твой Бен».

Разговаривали мы тогда о Стефани или нет? Нет, не разговаривали. О Стефани мы упоминали мельком и на ходу, а не лежа по разные стороны перегородки. Стефани была фантомом, мыслями о котором мы делились всегда в спешке, слишком приятной и таинственной загадкой, чтобы пытаться решить ее аналитическим путем. Возможно, именно поэтому я не подумал о ней. Как не вспомнил и потом. То есть не сразу. Совершенно бессознательно. Не было и позже исполненного драматизма момента, когда под воздействием внезапного озарения я выскочил из ванной с криком: «Стефани!» Такого просто не могло произойти по причинам, которые я и стараюсь объяснить вам столь невнятно. Ее образ плавал где-то на нейтральной территории между моей готовностью признать свою вину и чувством самосохранения, оставаясь мистическим созданием, существовавшим или не существовавшим в

моей памяти в зависимости от желания. Как мне сейчас кажется, первый намек на воспоминание о ней появился в тот момент, когда я приводил в порядок разгромленный кадровиком стол. Наткнувшись на прошлогодний ежедневник, я принялся листать его, размышляя о том, что в нашей жизни происходит гораздо больше событий, чем мы способны запомнить. Дойдя до июня, я заметил, что дни двух недель перечеркнуты диагональными линиями, а внизу выведена цифра «восемь», что означало «Лагерь № 8, Северный Аргайл». Там мы проводили тренировки, обучаясь приемам ведения боевых действий. И тут я подумал (или скорее почувствовал) – да, конечно же, Стефани.

И от этой точки, все еще обходясь без внезапных озарений Архимеда, я начал возрождать в памяти нашу ночную поездку по холмам Шотландии: Бен сидел за рулем джипа «триумф» без крыши, а я расположился рядом, поддерживая легкий разговор, чтобы не дать водителю заснуть. Потому что мы оба, хотя и пребывали в прекрасном настроении, были совершенно измотаны после того, как провели целую неделю, притворившись, что находимся в горах Албании, где собираем партизанский отряд. Июньский теплый воздух обдувал наши лица.

Остальная часть воспоминаний заключалась по большей части в возвращении в Лондон на предоставленном Сарратом автобусе. Но у нас с Беном имелся тогда личный джип «триумф», принадлежавший Стефани. Потому что она была отличным товарищем, эта Стеф. Бескорыстная Стеф, всегда готовая помочь. Она сама пригнала машину из Обана в Глазго, чтобы Бен смог пользоваться ею неделю, а потом вернуть, когда мы вновь обратимся к обычным занятиям. И такое же воспоминание о Стефани возникло у меня сейчас. В точности как тогда в машине – она была лишь аморфной, приятной концепцией человека. Некой женщиной из жизни Бена.

– Итак, кто такая Стефани, или ответом мне снова станет твое красноречивое молчание? – спросил я, открыв бардачок в надежде обнаружить там какие-то ее следы.

Некоторое время он оглушительно громко молчал.

– Стефани – это луч света для безбожника и образец совершенства для глубоко верующих, – сказал он наконец с мрачной серьезностью. Но затем сменил тон на сугубо бытовой: – Стеф – член нашей семьи по линии гуннов.

Впрочем, к той же линии принадлежал он сам, о чем любил говорить, когда им овладевала тоска. Стеф ближе по родству к Арно, добавил он.

– Она хорошенькая? – спросил я.

– Не надо прибегать к таким вульгарным определениям.

– Красивая?

– Менее вульгарно, но все равно никуда не годится.

– Так какая же она?

– Она – само совершенство. От нее исходит сияние. Она безупречна во всем.

– Так, значит, все-таки красива?

– Нет, говорю же тебе, простофиля! Она утонченная. Прелестная. Несравненная. А уж о таком интеллекте наш главный кадровик мог бы только мечтать.

– Но если отбросить все это. Что она такое для тебя самого? Кроме того, что принадлежит к роду гуннов и владеет этой машиной.

– Она восемнадцатилетняя сестра моей матери, постоянно переезжающая с места на место. После войны она перебралась в Англию, жила с нами в Шропшире, и мы, можно сказать, воспитывались вместе.

– Так она одного с тобой возраста?

– Если бы вечность подвергалась измерению, я бы ответил «да».

– Стало быть, кто-то вроде сводной сестры, подружки детских игр, насколько я понял?

– Какое-то время так все и обстояло. Несколько лет. Мы от души бесились с ней вместе, ходили собирать грибы на рассвете, шалили и дурью маялись. Но потом меня отправили в школу-интернат, а она вернулась в Мюнхен, снова присоединившись к гуннам. Кончилась идиллия детства. Я остался с отцом в Англии.

Никогда прежде я не слышал, чтобы он так откровенно рассказывал о женщине, как и о себе самом.

– А сейчас?

Я опасался, что он снова замкнется в себе, но после паузы услышал:

– Сейчас все уже не так славно. Она окончила художественную школу, сошлась с каким-то полоумным живописцем, и они обосновались в доме, полученном ею в приданое, на одном из островов у побережья Западной Шотландии.

– Почему все не так славно? Этот художник не любит ее?

– Он уже никого не любит. Потому что застрелился. Причины остались неизвестны. Оставил лишь записку для местного совета, извиняясь, что развел грязь. Но ни словечка для Стеф. Они не были официально женаты, и это только все осложнило.

– А сейчас? – снова спросил я.

– Она еще живет там.

– На острове?

– Да.

– В том же старом доме?

– Да.

– Одна?

– Большую часть времени.

– Ты хочешь сказать, что иногда видишься с ней? Навещаешь ее?

– Да, я с ней вижусь. Это, похоже, и значит – навещаю. Да, я езжу к ней, навещаю.

– Это для тебя важно?

– Для меня предельно важно все, что связано со Стеф.

– А чем она занимается, когда тебя там нет?

– Тем же, чем и когда я там бываю, наверное. Пишет картины. Разговаривает с птичками. Читает. Играет на музыкальных инструментах. Снова читает. И снова играет. Пишет. Размышляет. Читает. Одалживает мне свою машину. Ты хочешь еще глубже сунуть нос в мою жизнь?

Ненадолго между нами установилось отчуждение, пока Бен не заговорил снова.

– А знаешь что, Нед? Женись на ней.

– На Стефани?

– На ком же еще, идиот! Это чертовски хорошая идея, если вдуматься. Я сам сведу вас, чтобы обсудить ее. Ты должен жениться на Стеф. Она должна выйти за тебя замуж, а я буду приезжать в гости к вам обоим, чтобы порыбачить там на озере.

И у меня вырвался тогда чудовищный вопрос. Меня оправдывает только полная невинности наивность тех лет моей молодости.

– Почему же ты сам не женишься на ней? – спросил я.

Только теперь, стоя в гостиной и наблюдая, как печать рассвета медленно проступает на стенах, я получил окончательный ответ. Глядя на разлинованные страницы ежедневника, раскрытые на прошлом июне, я с содроганием вспомнил его ужасное письмо ко мне.

Или мне все следовало понять уже тогда, в машине, прочувствовав ответ в молчании Бена, который вел джип сквозь шотландскую ночь? Разве не мог я сразу разобраться в причинах его молчания? Оно значило, что Бен никогда не женится. Ни одна женщина ему не подойдет. Видимо, подсознательно я это все-таки уловил.

И именно в полученном мной тогда шоке крылась причина, почему я так глубоко похоронил в памяти всякие воспоминания о Стефани. До такой степени глубоко, что даже Смайли, владевший всеми премудростями доступа к секретам человеческой памяти, не сумел эксгумировать их.

Посмотрел ли я на Бена, задав тот оказавшийся роковым вопрос? Приглядывался ли я к нему, когда он упорно уходил от прямого ответа? Уж не намеренно ли я тогда отвел глаза, чтобы не прочесть выражение его лица? К тому времени я уже привык наталкиваться на молчание Бена, а потому, видимо, прождав немного напрасно, решил наказать его, погрузившись в собственные мысли.

И уверен я был теперь только в том, что Бен так никогда и не ответил на мой вопрос и ни один из нас больше ни разу не упоминал Стефани.

Стефани была женщиной его мечты, думал я, продолжая просматривать ежедневник. Жившей на острове. Любившей его. Но предназначенной в жены мне.

Ее окружал ореол смерти, который Бен считал обязательной принадлежностью всякой героической личности.

Вечная Стефани, луч света для безбожников, сама излучавшая сияние, безупречная во всем немка Стефани, пример для него, как и прежде сводная сестра, – а быть может, до некоторой степени и замена матери, – приветственно машущая платком с башни своего замка, предоставляя убежище от его сурового отца.

«Вам было бы полезно попытаться поставить себя на место Бена в его нынешнем положении», – сказал Смайли.

Но даже сейчас, когда все открылось передо мной, как ежедневник, который я по-прежнему держал в руке, я не позволял себе делать выводы. Потому что их подлинная суть продолжала ускользать от меня. Зато в сознании начала оформляться идея. Постепенно она приобретала реальные очертания и превращалась в возможность. Но еще медленнее, что явно стало следствием физического и умственного перенапряжения, возможность трансформировалась в убеждение, в необходимость и в конце концов стала осознанной целью.

Утро проявило себя во всем блеске. Я пропылесосил полы в квартире. А затем взялся протирать и полировать мебель. Это помогало сдерживать гнев. Только став бесстрастным, начинаешь все осознавать правильно. Снова выдвинув ящики письменного стола, я достал из них оскверненные бумаги и сжег в печи все, что посчитал безвозвратно запятнанным прикосновениями Смайли и кадровика. В том числе письма от Мейбл и призывы моего бывшего университетского наставника постараться «найти какую-то более интересную работу», чем простые исследования для Министерства обороны.

В этих действиях было нечто бессознательное, потому что главным образом я был сосредоточен на поисках наиболее верного, морально оправданного и разумного продолжения, достойного выхода из затруднительного положения.

Бен – мой друг.

На Бена ведется масштабная охота.

Бен испытывает мучения, и бог весть что еще он переживает.

Стефани.

Я долго принимал ванну, а потом лежал на кровати и смотрел в трюмо, поскольку зеркала открывали отличный вид на улицу. Почти сразу мне бросилась в глаза пара, очень напоминавшая людей Монти, одетая в рабочие спецовки и трудолюбиво возившаяся рядом с будкой электрической подстанции. Смайли предупредил, чтобы я не воспринимал происходящее как направленное лично против меня. И то верно. Ведь всего лишь требовалось надеть наручники на Бена.

Десять часов все того же долгого утра, а я стою, намеренно держась в тени шторы у окна, выходящего на задний двор, и изучаю обстановку на этом неопрятном участке со старой деревянной кабинкой, крытой смазанным креозотом толем, которая когда-то служила жильцам дома туалетом, и обитыми досками воротцами, ведущими в унылый проулок. В проулке пусто. Даже Монти, в конце концов, не такой уж гений сыска.

Острова у западного побережья Шотландии, как сказал Бен. Вдовый дом на западных островах.

Да, но на котором из островов? И какую фамилию носит теперь Стефани? У меня зародилась только одна мысль, как это установить, основанная на ее происхождении из немецкой ветви семьи Бена, жившей в Мюнхене. Поскольку я знал, что германская родня Бена причисляла себя к местной знати, она вполне могла носить нечто вроде титула.

И я позвонил в отдел кадров. Я мог с таким же успехом позвонить и Смайли, но мне казалось безопаснее лгать главному кадровику. Он узнал мой голос, прежде чем я успел представиться и перейти к сути дела.

– Вы хотите сообщить что-нибудь новое? – жестким тоном спросил кадровик.

– Боюсь, нет. Но мне необходимо отлучиться примерно на час. Я могу выйти из квартиры?

– Куда вы направляетесь?

– У меня несколько дел. В доме закончились продукты. А еще хочу купить что-нибудь почитать. Хотя, наверное, лучше будет заглянуть в библиотеку.

Главный кадровик славился умением вкладывать даже в свое молчание огромные дозы неодобрения. После продолжительной паузы он распорядился:

– Возвращайтесь ровно к одиннадцати. И позвоните мне немедленно, как только снова окажетесь дома.

Довольный своим пока хладнокровно разыгранным спектаклем, я, ни от кого не таясь, вышел через главную дверь, купил газету и свежего хлеба. Пользуясь отражениями в витринах магазинов, постоянно следил за тем, что творилось у меня в тылу. За мной никто не увязался – скоро я удостоверился в этом. Тогда я добрался до публичной библиотеки, где в отделе справочной литературы взял старый выпуск «Кто есть кто» и сильно потрепанный экземпляр «Готского альманаха» на немецком языке. Причем я даже не задумался о том, кто, черт побери, мог так потрепать «Готский альманах» в столь непритязательном районе, как Баттерси. Сначала я сверился с «Кто есть кто» и обнаружил там сведения об отце Бена, удостоенном рыцарского звания и груды медалей, а «в 1936 году женившемся на графине Ильзе Арно цу Лотринген, от которой имеет единственного сына Бенджамин Арно». Взявшись затем за альманах, я изучил семейство Арно Лотрингенов. Ему были уделены целые три страницы, но я очень быстро обнаружил ту самую кузину, дальнюю родственницу Бена, которую звали Стефани. Я нахально потребовал у библиотекаря выдать мне немедленно телефонный справочник островов Западной Шотландии. Такового у нее не оказалось, но она разрешила мне сделать запросы по телефону с собственного аппарата, что было очень кстати, поскольку я не сомневался: мой домашний телефон прослушивается. Без четверти одиннадцать я вернулся домой и доложил о своем возвращении главному кадровику тем же небрежным тоном, которого придерживался с самого начала.

– Куда вы ходили? – спросил он.

– Сначала к продавцу газет, потом в булочную.

– А как же библиотека?

– Библиотека? Ах да, там я тоже побывал.

– Интересно знать, что вы там взяли?

– Если честно, то ничего. Не знаю почему, но мне сейчас трудно сосредоточиться на серьезной литературе. Что мне делать дальше?

Ожидая его ответа, я размышлял, не был ли слишком многословен в разговоре с ним, решив в итоге: нет, не был.

– Вам придется подождать. Как и нам всем.

– Могу я приходить на работу в главный офис?

– Поскольку вам остается только ждать, не так важно, где именно. У себя или здесь.

– Я бы опять присоединился к команде Монти, если есть такая возможность.

Вероятно, срабатывало мое перевозбужденное воображение, но мысленно я видел Смайли, стоявшего рядом и подсказывавшего кадровику, что мне говорить.

– Оставайтесь пока на прежнем месте и ждите, – сказал он резко и положил трубку.

Я ждал, причем только богу известно, как выдерживал ожидание. Делал вид, что читаю. Потом преисполнился чувства собственного достоинства и написал выдержанное в самых помпезных выражениях письмо главному кадровику с прошением об отставке. Но почти сразу порвал письмо в мелкие клочья и сжег. Я смотрел телевизор, а вечером лежал в кровати и наблюдал в зеркалах смену соглядатаев Монти, думая о Стефани, потом о Бене и снова о Стефани, образ которой прочно утвердился в моих мыслях как вечно недоступной для меня, одетой во все белое, безупречной Стефани, защитницы Бена.

Позвольте напомнить, что я был тогда еще очень молод и имел в отношениях с женщинами значительно меньше опыта, чем вы могли подумать, если бы слышали мои рассуждения о них. Адам во мне оставался невинным ребенком, и его не следовало путать с внешне вполне уже мужественным воителем.

Я дождался десяти часов, а потом тихо спустился вниз с бутылочкой вина для мистера Симпсона и его жены, которую распил с ними, снова посмотрев телевизор. После чего отвел мистера Симпсона в сторону.

– Войдите в мое положение, – сказал я. – Сам понимаю, это нелепо, но меня с некоторых пор преследует одна очень ревнивая дамочка, и я хотел бы выйти из дома через заднюю дверь. Вы не могли бы выпустить меня из двери своей кухни?

Часом позже я уже ехал в спальном вагоне ночного экспресса до Глазго. Мне удалось в точности соблюсти все предосторожности против слежки, и я был на сто процентов уверен, что никто не сел мне на хвост. Ту же процедуру я повторил на центральном вокзале в Глазго. Занял место в буфете, заказал чай и внимательно выискивал в толпе возможных нежелательных спутников. Для пущей уверенности я сначала взял такси до Хеленсборо, располагавшегося на противоположном берегу Клайда, и лишь оттуда сел в автобус, отправлявшийся в Уэст-Лох-Тарберт. В то время паром на архипелаг Западных островов совершал рейсы только три раза в неделю, не считая очень короткого летнего сезона. Но мне продолжала сопутствовать удача: судно стояло у причала и отошло вскоре после того, как я оказался на борту, а потому уже после обеда мы миновали Джуру, сделали остановку в Порт-Аскейге и взяли затем курс в открытое море под темным северным небом. К тому времени на пароме осталось всего три пассажира. Пожилая супружеская пара и я, но когда я поднялся на верхнюю палубу, чтобы избавиться от навязчивых вопросов стариков, старший помощник капитана вдруг тоже начал меня расспрашивать. Приехал ли я в отпуск? Уж не доктор ли я, случайно? Женат ли я или как? Но я тем не менее чувствовал себя в родной стихии. Стоит мне оказаться в море, как все становится ясным, все делается возможным. Да, думал я, с нараставшим волнением глядя на поднимавшиеся из воды громады скал, радуясь пронзительным крикам чаек, да, именно здесь попытался бы укрыться от всех Бен! Именно в этих местах преследовавшие его вагнеровские демоны обретут наконец покой.

Вам нужно понять и постараться простить мне столь поверхностное увлечение всеми формами нордических абстракций, которому я тогда необычайно легко поддавался. Что управляло поступками Бена? – гадал я. Его влек к себе мифический остров – быть может, нечто из шотландского эпоса – с клубящимися облаками и бурным морем, а там – жрица

одинокое стоявшее храма, хозяйка замка. Меня очень привлекала подобная мысль. Я вступил в романтический период жизни и предался Стефани всей душой, прежде чем встретился с ней.

Дом вдовы находился по другую сторону острова, сообщили мне в местном магазинчике. «Вам лучше попросить молодого Фергюса отвезти вас туда на джипе». «Молодому Фергюсу» оказалось на вид лет около семидесяти. Мы въехали в покосившиеся железные ворота. Я расплатился с водителем и нажал кнопку звонка. Дверь открылась. На меня смотрела красивая светловолосая женщина.

Она была высока и стройна. Если мы с ней принадлежали к одной возрастной группе (а именно так и обстояло дело), в ее внешности просматривалась властность, какой мне не удалось бы приобрести, проживи я вдвое дольше. Носила она, впрочем, не белое платье, а перепачканный красками темно-синий балахон. Она держала мастихин и, пока я говорил, тыльной стороной ладони убрала со лба выбившуюся прядь волос, а затем снова опустила руку и продолжала слушать, когда я уже закончил говорить, словно прокручивая в голове смысл моих слов, от которых теперь осталось лишь эхо. При этом она вглядывалась в произнесшего их то ли мужчину, то ли мальчика, стоявшего перед ней. Но самое странное из моих впечатлений в момент первой встречи заключалось в том, что мне труднее всего вам объяснить. Потому что облик Стефани оказался намного ближе к нарисованному моим воображением образу, чем представлялось реально возможным. Цвет лица, аура искренности и правдивости, внутренняя сила в сочетании с утонченной хрупкостью – все в точности отвечало моим представлениям и ожиданиям, причем до такой степени, что если бы я случайно встретился с ней в совершенно другом месте, то все равно узнал бы в ней Стефани.

– Меня зовут Нед, – сказал я, обращаясь напрямую к ее глазам. – Я друг Бена. И одновременно его коллега. Я приехал один. Никто больше не знает, что я здесь.

Я собирался продолжить, поскольку мысленно заготовил напыщенную речь, где присутствовала, например, такая фраза: «Пожалуйста, передайте ему: что бы он ни совершил, для меня это не имеет абсолютно никакого значения». Но прямота и открытость ее взгляда остановили меня.

– Почему вы считаете столь важным, знает кто-то о вашем прибытии сюда или нет? – спросила она.

Говорила она без акцента, но с немецкими каденциями, делая чуть заметные паузы перед каждым открытым гласным звуком.

– Он ни от кого не прячется. Кто еще может разыскивать его, за исключением вас? Зачем ему скрываться?

– Насколько я знаю, у него могли возникнуть в некотором роде неприятности, – сказал я, входя вслед за ней в дом.

Прихожая представляла собой студию и гостиную в одно и то же время. Большая часть мебели была накрыта чехлами. На столе я увидел следы трапезы: две кружки и две тарелки – обе использованные.

– Какие неприятности? – требовательно спросила она.

– Это связано с его работой в Берлине. Я думал, что он, вероятно, рассказал вам обо всем.

– Мне он ничего не рассказывал. Никогда не обсуждал со мной свою работу. Возможно, потому, что знает: она меня совершенно не интересует.

– А могу я в таком случае спросить, о чем он с вами беседует?

Она ненадолго задумалась.

– Нет. – Но затем чуть смягчила ответ: – Сейчас он вообще ни о чем со мной не разговаривает. Он, кажется, дал обет молчания монаха-трапписта. Это его дело. Иногда он наблю-

дает, как я пишу, иногда отправляется на рыбалку. Мы вместе едим и пьем немного вина. Но чаще всего он просто спит.

– Давно ли он здесь?

Она пожала плечами:

– Уже дня три, наверное. Где-то так.

– Он прибыл прямо из Берлина?

– Его доставил сюда паром. А поскольку мы почти не общаемся, это все, что мне известно.

– Он исчез, – сказал я. – Его теперь повсюду разыскивают. Они думали, что он мог приехать ко мне. Но я почти уверен, им ничего про вас не известно.

Она опять слушала меня в своей необычной манере. Сначала мои слова, а потом мое молчание. Причем не ощущала при этом ни малейшей неловкости. Так слушают порой домашние животные. Это свойство натуры, пережившей глубочайшие страдания, подумал я, вспомнив о самоубийстве ее возлюбленного. Ее теперь не могли затронуть мелкие огорчения.

– Они, – повторила Стефани с некоторым удивлением. – Кто такие «они»? И почему важно, знают ли именно обо мне?

– Бен выполнял секретное задание, – сказал я.

– Бен?!

– Как его отец, – пояснил я. – Он очень гордился, что пошел по стопам отца.

Вот теперь она выглядела испуганной и взволнованной.

– Но зачем? Для кого? Какое секретное задание? Ну и дурак же!

– Для британской разведывательной службы. Он работал в Берлине, формально приписанный к сотрудникам военного атташе, но его реальным делом была разведка.

– Бен? – Недоверие и отвращение отчетливо отразились у нее на лице. – Сколько же ему приходилось в таком случае лгать! И это Бену!

– Боюсь, что приходилось. В этом заключалась часть его служебного долга.

– Как ужасно!

Ее мольберт стоял задней стороной ко мне. Перейдя за него, она начала смешивать краски.

– Если бы я только смог поговорить с ним... – начал я, но она сделала вид, что слишком поглощена своим занятием, чтобы меня слышать.

Задняя часть дома выходила в парк, за которым тянулся ряд искривленных ветрами сосен. Дальше виднелось озеро, окруженное пологими лиловыми холмами. У дальнего берега я различил рыбака, стоявшего на полуразрушенных мостках. Он ловил рыбу, но не с помощью спиннинга, не забрасывая крючок далеко в воду. Я открыл французское окно и вышел в сад. Холодный ветер рябью пробегал по поверхности озера, когда я почти беззвучно ступил на помост. На Бене был твидовый пиджак, явно слишком большого для него размера. Я догадался, что прежде он принадлежал погибшему любовнику Стефани. И шляпа – зеленая фетровая шляпа, которая, как всякая шляпа на голове Бена, выглядела так, словно ее изготовили для него по специальному заказу. Он не обернулся, хотя ощутил мои приближавшиеся шаги. Я встал рядом с ним.

– Единственное, что ты здесь поймал, так это воспаление легких, упрямый немецкий осел, – сказал я.

Он отвернулся от меня, а потому я мог лишь стоять рядом, смотреть вместе с ним на воду и ощущать прикосновение его плеча, когда шаткие мостки неожиданно заставляли нас опираться друг на друга. У меня на глазах вода как будто стала плотнее, а небо над холмами окончательно посерело. Несколько раз я замечал, как красный поплавок на его леске погружался под воду. Но даже если рыба клевала, Бен не делал попытки подсесть ее или вытащить

на мостки. В доме загорелся свет и четче обозначил в окне силуэт Стефани, стоявшей за мольбертом, временами нанося мазки, а потом поднося руку ко лбу. Воздух сделался заметно холоднее, наступала ночь, но Бен оставался на прежнем месте. Мы словно состязались с ним, как делали это в тренировочных соревнованиях на силу рук. Я давил, Бен сопротивлялся. И победить мог только один из нас. Если бы мне потребовалось провести там всю ночь и следующий день и я умирал бы от голода, то все равно не сдался бы до того момента, когда Бен откликнулся бы на мое присутствие.

На небе показалась ущербная луна и звезды. Ветер стих, и серебристый туман, стелившийся по самой земле, скрыл поросли вереска. Мы продолжали стоять там, дожидаясь, чтобы кто-то из нас сдался. Я уже почти задремал, когда услышал всплеск поплавок, извлеченного из воды, и увидел, как в лунном свете блеснула леска. Я не двигался и ничего не говорил. Дождлся, пока он смотал леску и закрепил крючок. Позволил Бену повернуться ко мне, поскольку он не мог поступить иначе, если хотел пройти по мосткам мимо меня.

Мы оказались друг против друга при свете луны. Бен смотрел вниз, явно изучая положение моих ног, чтобы как-то обойти их. Потом его взгляд переместился на мое лицо, но в его собственных чертах ничто не изменилось. Они были и оставались словно застывшими. И если что-то читалось в его глазах, то только злость.

– Итак, – сказал он, – входит третий убийца.

Но ни он, ни я даже не улыбнулись.

Она, должно быть, почувствовала наше приближение и скрылась в другой части дома. Оттуда донеслись звуки музыки. Когда мы вошли, Бен направился к лестнице, но я ухватил его за руку.

– Ты должен мне все рассказать, – сказал я. – Ни перед кем другим ты никогда открыться не сможешь. Я нарушил все дисциплинарные инструкции, чтобы добраться сюда. Ты должен рассказать мне, что произошло с агентурной сетью.

За холлом располагалась еще одна удлиненной формы гостиная с закрытыми ставнями на окнах и зачехленной мебелью. Было холодно, Бен оставался в пиджаке, а я в плаще. Я хотел открыть ставни, чтобы впустить в окна хотя бы немного лунного света. Однако интуиция подсказала мне, что любое более яркое освещение лишь встревожит его еще больше. Музыка звучала теперь где-то совсем близко. Как мне показалось, Стефани слушала Грига. Но я не был в этом уверен. Бен заговорил без намека на сожаление или истерику. Я знал, что он делал признания самому себе день и ночь. Он говорил глухим и скорбным тоном человека, который описывает несчастье, непостижимое для других, для тех, кто не был напрямую вовлечен в него, и слова почти заглушались музыкой. Он больше не видел для себя никаких перспектив. Овеянный славой герой не состоялся, потерпев поражение. Возможно, он уже сам немного устал от ощущения собственной вины и говорил лаконично. Я чувствовал: ему хочется избавиться от моего присутствия.

– Хаггарти – сволочь, – сказал он. – Первостатейная гадина. Он вор, пьяница и к тому же насильник. Единственным оправданием его работы в Берлине была сеть Зайдля. И вот головной офис начал предпринимать попытки передать Зайдля под контроль другим людям. Я стал первым из них. И Хаггарти решил наказать меня за то, что я отбирал у него агентуру.

Бен описал мне преднамеренные оскорбления, бессмысленные задания из ночи в ночь, исполненные враждебности рапорты о его работе, отправлявшиеся в клуб почитателей Хаггарти, существовавший в Цирке.

– Сначала он не хотел вообще ничего рассказывать о сети. Но головной офис надавил на него, и ему пришлось поделиться со мной всем. Историей пятнадцати лет работы с ними. Мельчайшими подробностями их биографий, причем даже тех агентов, которые погибли, выполняя наши задания. Он отправлял мне досье целыми кипами, причем с обилием поме-

ток и перекрестных ссылок. Прочитай это, запомни то. Кто она такая? Кто он такой? Запомни адрес, фамилию, кодовые имена, секретные символы. Процедуры, предусмотренные для бегства. И их запасные варианты. Пароли и меры безопасности при связи по радио. А потом проверял меня. Привозил на явочную квартиру, усаживал за стол напротив себя и с пристрастием допрашивал. «Ты совершенно не подготовлен. Мы не можем послать тебя туда, пока ты не выучишь все досконально. Тебе лучше провести выходные на работе и продолжать зубрить. В понедельник я подвергну тебя еще одному тесту». В сети заключалась вся его жизнь. И он хотел, чтобы я проникся чувством полнейшей непригодности в качестве его замены. Но я-то знал, что это не так.

В результате головной офис не поддался на провокации Хаггарти, как выдержал их и Бен.

– Я стал готовиться к решающему экзамену, – объяснил он.

По мере приближения дня первой встречи с Зайдлем Бен разработал для себя целую систему знаков для облегчения запоминания фактов и набор сокращений, которые позволяли ему охватить все пятнадцать лет существования сети. Просиживая дни и ночи в помещении резидентуры, он создал сложные схемы сведения фактов в единое целое, цепочки для поддержания связей, придумав способы легко вспоминать кодовые имена, домашние адреса и места работы всех основных агентов, их помощников, курьеров и даже случайно вовлеченных в операции людей. Затем он перенес все данные на обычные почтовые открытки, заполняя их только с одной стороны. На противоположной он обозначал одной строчкой тему: «Тайники для передачи шифрограмм», «Размер вознаграждений», «Явочные квартиры». И каждую ночь, прежде чем вернуться к себе на квартиру или вытянуться на койке в медпункте, существовавшем при резидентуре, он сам с собой затевал игру. Сначала клал открытки надписью вниз, а потом сравнивал все, что вспомнил, с заметками.

– Конечно, поспать почти не удавалось, но для меня это не представляло проблемы, – рассказывал он. – Накануне самого важного дня я вообще глаз не сомкнул. Всю ночь провел, повторяя снова и снова все данные. А потом лег на диван и стал просто пялиться в потолок. Когда же я снова встал на ноги, то не мог вспомнить ровным счетом ничего. Мной овладел своего рода паралич. Я пришел в свой кабинет, сел за стол, обхватил голову руками и начал задавать самому себе вопросы. «Если агент под кодовым именем Маргарет-два считает, что за ней ведется наблюдение, к кому и каким образом ей следует обратиться? Как должен поступить затем ее связник, чтобы обеспечить прикрытие?» Но ответ упорно не приходил в голову.

Затем пришел Хаггарти и спросил меня о самочувствии. «Отличное», – ответил я. Надо отдать ему должное, он пожелал мне удачи и, думаю, был при этом вполне искренен. Я ожидал, что он опять задаст мне несколько каверзных вопросов, и собирался послать его к дьяволу. Но он просто сказал: «Komm gut heim»⁵. И потрепал меня по плечу. Я положил открытки в карман. Не спрашивай зачем. Я очень боялся потерпеть неудачу. Не по этой ли причине мы часто совершаем бессмысленные поступки, верно? Я опасался провала, ненавидел Хаггарти, потому что он подверг меня настоящей пытке. У меня была еще тысяча причин взять открытки с собой, но ни одна из них не дает ничему исчерпывающего объяснения. Возможно, я избрал такой способ, чтобы покончить с собой. Мне эта мысль кажется правдоподобной и даже нравится. Я взял их и пересек границу. Мы воспользовались лимузином, специально переделанным для подобных целей. Я сидел сзади, а мой дублер прятался под сиденьем. Восточногерманские полицейские, разумеется, не имели права обыскивать нашу машину. И все же, когда автомобиль вписывается в очередной крутой поворот, а тебе надо занять место дублера, чертовски сложно. Тебе приходится практически выкатываться

⁵ Благополучного возвращения (нем.).

из машины. Зайдль подготовил для меня велосипед. Ему вообще нравились велосипеды. Охранник снабжал его именно велосипедом, когда он был военнопленным в Англии.

Хотя Смайли уже рассказал мне эту историю, я выслушал ее и от Бена.

– Открытки лежали в кармане пиджака, – продолжал он. – В глубоком внутреннем кармане. Но в тот день в Берлине стояла невыносимая, удушливая жара. И пока я ехал на велосипеде, как теперь припоминаю, я расстегнул пиджак. Даже сам не знаю. Иногда помню, как расстегивал пиджак, а порой мне кажется, что я этого не делал. Вот что способна вытворять память, когда ты утомлен до полусмерти. Она выдает сразу все возможные версии событий. На место встречи я прибыл раньше назначенного времени, проверил машины, припаркованные рядом, проделал всю до тошноты рутинную процедуру и вошел внутрь. К тому времени я уже все опять вспомнил, заученное вернулось ко мне. «Не зря я все-таки взял с собой открытки», – подумалось мне. Это помогло, и я больше в них не нуждался. Зайдль был в полном порядке, как и я сам. Мы покончили с делами, я получил от него информацию, дал новые инструкции, вручил определенную сумму вознаграждения – все как учили в Саррате. Потом докатил до точки, где меня должны были посадить в машину, благополучно нырнул в нее, но когда мы уже переезжали в Западный Берлин, до меня вдруг дошло, что открыток при мне больше нет. Я больше не ощущал их тяжести в кармане, или у меня возникло какое-то другое ощущение, не важно. Я запаниковал, но ведь я вечный паникер. Где-то в глубине моего существа всегда таится страх. Вот каков я на самом деле. Но только теперь это была совершенно безумная паника. Я попросил высадить меня у моей квартиры и позвонил Зайдлю по номеру, который надлежало использовать только в самых крайних случаях. Никто не ответил. Я испробовал запасной вариант. Тоже безуспешно. Затем связался с его любовницей – женщиной по имени Лотте. И там молчание. Тогда я взял такси до аэропорта Темпельхоф, тихо покинул страну и пробрался сюда.

Повисла долгая пауза, слышна была только музыка Стефани. Бен закончил рассказ. Но я не сразу понял, что больше ему нечего мне сообщить. Я ждал, глядя на него во все глаза, ожидая продолжения. Я-то предполагал, что его по меньшей мере похитила тайная полиция Восточной Германии – безжалостная и жестокая. Силком вытащили из машины, ударили по голове, усыпили хлороформом, а потом обыскали карманы. И лишь постепенно совершенно невероятная банальность происшествия, о котором он мне поведал, дошла до моего сознания. Оказывается, целую сеть шпионов можно потерять так же легко, как теряешь связку ключей, чековую книжку или носовой платок. Мне страстно хотелось вернуть ему хотя бы часть утраченного достоинства, но он сам сделал это совершенно невозможным.

– Когда ты в последний раз ощущал, что открытки все еще у тебя? – задал я не самый умный вопрос.

Складывалось впечатление, что я беседую со школьником, забывшим где-то свои учебники. Но Бену было все равно. Он окончательно лишился уверенности в себе и гордости.

– Открытки? – переспросил он. – Наверное, пока ехал на велосипеде. Или когда выкачивался из машины. У велосипеда еще была предохранительная цепь от угона на колесе. Мне пришлось наклониться, чтобы снять ее. Может, несчастье случилось тогда? Это как всякая потеря. Пока не найдешь, не узнаешь, где оставил вещь. Потом все кажется очевидным. Вот только на этот раз не будет никакого «потом».

– Тебе не показалось, что за тобой следили?

– Не знаю. Не могу сказать...

Мне хотелось спросить, когда он написал мне любовное послание, но язык не поворачивался. Кроме того, мне стало казаться, что я уже об этом догадывался. Он написал его, сильно напившись, в минуту отчаяния, пока Хаггарти особенно настойчиво изводил его придирами. На самом деле меня снедало мучительное желание услышать, что он вообще не писал мне ничего подобного. Мне нужно было повернуть время вспять, чтобы все было так,

как всего неделю назад. Но простые вопросы так и остались незадавленными, потому что простые ответы на них заранее представлялись очевидными. Наше детство безвозвратно кануло в прошлое.

Они, несомненно, окружили дом и уж точно не воспользовались дверным звонком. Монти наверняка стоял прямо под окном, когда я раздвинул ставни, чтобы впустить в гостиную лунный свет, потому что в нужный момент просто проник в комнату, чуть смущенный, но преисполненный решимости.

– До чего же славно ты все проделал, Нед, – сказал он мне в утешение. – Вот только посещение библиотеки выдало тебя с головой. Ты, кстати, очень понравился библиотекарше, прямо запал ей в душу. Думаю, она была бы готова приехать сюда с нами, если бы мы ей позволили.

Следом за ним появился Скордено, а потом в дверном проеме возник и Смайли, у которого был тот самый виноватый вид, который зачастую сопровождал его самые безжалостные действия. И я понял, не особенно, впрочем, удивившись, что выполнил все, чего он от меня и ожидал. Я поставил себя на место Бена и привел их напрямик к убежищу своего друга. Бен тоже не выглядел удивленным. Вероятно, он даже испытал чувство облегчения. Монти и Скордено встали по обе стороны от него, но Бен продолжал сидеть в покрытом чехлом кресле, запахнув твидовый пиджак, как халат. Скордено похлопал его по плечу, а затем они с Монти склонились и, подобно паре опытных грузчиков, знавших свое дело и умевших рассчитать момент, ловким движением плавно заставили его подняться. Я поспешил заверить Бена, что если и предал его, то не намеренно, но он покачал головой, давая мне понять, что это не имеет никакого значения. Смайли отступил в сторону, чтобы дать им пройти. Его близорукие глаза вопрошающе посмотрели на меня.

– Мы наняли отдельное судно для прибытия сюда и для возвращения, – сообщил он.

– Я не поплыву с вами, – бросил я.

После чего отвернулся, а когда бросил взгляд снова, его уже не было. До меня донесся шум мотора удалявшегося по проселку джипа. Я пошел на звуки музыки, пересек пустую прихожую и оказался в кабинете, забитом книгами и журналами. По полу были разбросаны листы, напоминавшие рукопись романа. Босая Стефани сидела на краешке глубокого кресла. Теперь на ней было домашнее платье, а светлые волосы с золотистым отливом свободно рассыпались по плечам. Когда я вошел, даже не подняла головы. Зато заговорила со мной так, словно знала меня всю жизнь, и я подумал, что в какой-то степени так и было, поскольку она видела во мне теперь самого близкого Бена человека. Музыка Стефани почти сразу выключила.

– Вы были его любовником? – спросила она.

– Нет. Но он хотел, чтобы был. Я только теперь это понял.

Она улыбнулась:

– А я хотела, чтобы он стал моим возлюбленным, но и это тоже невозможно, верно?

– Похоже на то.

– А другие женщины у вас были, Нед?

– Никогда.

– А у Бена?

– Не знаю. Предполагаю, он пытался заводить с ними связи, но ничего не получалось.

Она глубоко дышала, а по щекам и шее струились слезы. С трудом поднявшись на ноги с плотно закрытыми глазами, словно слепая, Стефани протянула руки, чтобы я обнял ее. Она всем телом прижалась ко мне и спрятала лицо на моем плече, содрогаясь от рыданий. Я попытался обвить ее руками, но она оттолкнула меня и подвела к дивану.

– Кто заставил его стать одним из вас? – спросила она.

– Никто. Это было его собственное сознательное решение. Он хотел быть похожим на отца.

– И вы считаете, у него оставался выбор?

– Да, как у каждого из нас.

– Стало быть, вы тоже добровольец?

– Да.

– А вы на кого стремились стать похожим?

– Ни на кого.

– Бен не был приспособлен для такой жизни. Эти люди совершили ошибку, не разобравшись в нем и поддавшись его обаянию. К тому же он умел убеждать.

– Знаю.

– А вы? Вам настолько необходимо, чтобы из вас сделали так называемого настоящего мужчину?

– Да, для меня это важно.

– Стать настоящим мужчиной?

– Работа. Мы похожи на мусорщиков или на санитаров в больницах. Кто-то должен заниматься и этим. Нельзя же постоянно делать вид, что вокруг нас нет грязи.

– О, еще как можно! – Она встряхнула мою руку и тесно переплела наши пальцы. – Мы делаем вид, что не замечаем очень многого, часто притворяемся. А что-то считаем совершенно не важным, не имеющим никакого значения. Только так нам и удастся выжить. Мы никогда не победим лжецов, если тоже начнем лгать. Вы останетесь здесь на ночь?

– Мне нужно возвращаться. Я ведь не Бен. Я – это я. А для Бена я лишь друг.

– Позвольте сказать вам кое-что. Можно? Очень опасно играть с реальностью. Вы запомните мои слова?

У меня не запечатлелась в памяти сцена нашего прощания, а значит, оно получилось болезненным для нас обоих и моя память отторгла воспоминание. Знаю только, что должен был успеть на паром. Джипа уже не было, и пришлось идти пешком. Помню лишь солоноватый привкус ее слез и запах волос. Как стремительно шел сквозь снова разыгравшийся ветер под луной, то и дело скрывавшейся за облаками, и грохот прибоя, когда тропа подходила близко к прибрежным скалам. Помню мыс и маленький пароходик, отходивший от причала. На протяжении всего пути я стоял на верхней палубе со стороны носа, а ближе к прибытию ко мне присоединился Смайли. К тому времени он уже успел выслушать историю Бена и поднялся, чтобы хоть как-то утешить меня.

С Беном я больше не встречался. Когда мы причалили в шотландском порту, его уже увезли, не дав нам попрощаться. Я слышал потом, что его убрали из разведки, и решил написать об этом Стефани, чтобы заодно попытаться выяснить, где он теперь. Но мое письмо вернулось со штампом «Адресат выбыл».

Мне бы очень хотелось иметь возможность сказать вам, что не Бен послужил причиной ареста нашей агентурной сети, поскольку Билл Хэйдон выдал ее значительно раньше. Или более того: вся сеть изначально стала фальшивкой, созданной восточными немцами или русскими, чтобы отвлечь наше внимание и скормить нам дезинформацию. Но, боюсь, такие версии не соответствуют действительности. В те дни доступ Хэйдона к сведениям о наших операциях в Берлине оставался ограничен строгим внутренним разделением Цирка на отделы, и ему ни разу не удалось побывать в Берлине. После ареста Хэйдона Смайли даже поинтересовался, не приложил ли он руку к тому провалу, но Билл откровенно посмеялся над его вопросом.

– Боже, я многие годы хотел подцепить ту сеть на крючок, но безуспешно, – ответил он. – А когда узнал о происшедшем, с трудом поборол искушение послать молодому Кавендишу букет цветов, но слишком хорошо знал, насколько это опасно.

И все же я, наверное, смог бы немного утешить Бена, встретив его сейчас. Я бы объяснил ему, что если бы берлинская агентура не была схвачена по его вине, то через пару лет до нее сумел бы добраться Хэйдон. Стефани я бы сказал, что она была по-своему права, но ведь и я тоже, хотя признался бы: ее слова моя память хранила еще долго, даже когда я давно перестал считать ее неисчерпаемым источником мудрости. Я в Стеф так до конца и не разобрался. Она все же оказалась в большей степени мистерией из жизни Бена, чем из моей собственной, но ее голос тем не менее стал первой песней сирены, зазвучавшей, чтобы предупредить о двойственном характере моей миссии. Иногда я задумывался о том, каким ей показался, как она восприняла меня, хотя прекрасно понимал: она видела во мне лишь еще одного неоперившегося птенца, маленького мальчика, второго Бена, неискушенного в жизни, стремившегося скрыть слабость под маской силы и искавшего убежище в своем узорке и ограниченном мире.

Не так давно я снова побывал в Берлине. Это произошло спустя несколько недель после падения Стены. У меня возникло там небольшое дело, и главный кадровик с удовольствием выписал мне командировку и оплатил расходы. Формально я никогда там долго не работал – так уж сложилась жизнь, – но часто посещал этот город. А для нас – старых рыцарей «холодной войны» – каждый приезд в Берлин равнозначен возвращению к самым ее истокам. И вот в дождливый денек я оказался перед мрачным обломком Стены, носившим громкое название «Мемориал неизвестным жертвам», оставленным в память о тех, кто погиб, пытаясь перебраться на другую сторону в шестидесятых годах, но не предвидел трагического исхода и не оставил для потомков своего имени. Я стоял посреди скромной группы из Восточной Германии, в основном женщин, и заметил, как пристально всматриваются они в надписи на крестах: неизвестный мужчина, застрелен такого-то числа 1965 года. Они искали следы близких, сопоставляя даты с тем немногим, что им было известно.

И меня посетила до тошноты неприятная мысль, что одна из них могла разыскивать кого-то из агентов Бена, попытавшегося в самый последний момент совершить прорыв к свободе. И эта догадка особенно поразила меня, когда я осознал, что отныне не мы – западные союзники, а сами восточные немцы будут отчаянно пытаться забыть о том, что Стена когда-то существовала.

Сейчас того мемориала больше нет. Вероятно, для него нашелся угол в каком-нибудь музее, хотя я в этом сомневаюсь. Стену почти полностью разобрали – отдельные куски даже ухитрились с выгодой продать, – и мемориал тоже растащили. Для меня это служит отличной иллюстрацией и комментарием к непостоянству того, что мы пытаемся выдавать за вечную память человечества.

Глава 4

Кто-то попросил Смайли вернуться к теме допросов. Ее затрагивали на протяжении того вечера часто, и, как я догадываюсь, делалось это намеренно, потому что аудитории хотелось услышать от него как можно больше занимательных историй. Дети всегда безжалостны.

– Разумеется, есть такой род искусства, как разоблачение лжеца. Конечно же, есть, – признал Смайли не слишком уверенным тоном и отпил глоток воды из стакана. – Но настоящее мастерство требуется, чтобы распознать правду, а это намного сложнее. При допросе никто не ведет себя нормально. Глупые люди изображают умников. Умные – простаков. Виновные выглядят ни в чем не повинными, как младенцы, а невинные с виду могут казаться преступниками на все сто процентов. Но порой люди ничего из себя не строят и рассказывают правду, и именно этим наивным душам и достается больше всего неприятностей. В нашей довольно извращенной профессии никто не выглядит менее убедительным, чем честный человек, которому нечего скрывать.

– За исключением, вероятно, одной совершенно ни в чем не повинной женщины, – тихо вставил я.

Джордж напомнил мне о Белле и таком сложном персонаже, как капитан Брандт.

Он был крупным и сильным мужчиной с льняными волосами, напоминал на первый взгляд славянина или скандинава, с походкой списанного на берег моряка и зоркими глазами авантюриста. Впервые я встретился с ним в Цюрихе, где у него постоянно возникали проблемы с полицией. Начальник полицейского управления города позвонил мне однажды среди ночи и сказал:

– Герр консул, у нас здесь есть человек, который утверждает, что располагает ценной информацией для британцев. Но нам уже отдали приказ завтра утром выслать его из страны.

Я не стал спрашивать, через какую границу. У швейцарцев есть четыре возможности, но когда им нужно кого-то вышвырнуть за границу, особой разборчивости они не проявляют. Я доехал до районной тюрьмы, и нам устроили свидание в зарешеченной комнате для допросов. Передо мной предстал привычный к тюремным камерам гигант в свитере-водолазке, который называл себя «морским капитаном» Брандтом. Так, по всей видимости, он переводил с немецкого выражение *Kapitän zur See*.

– Далековато вы забрались от моря, – сказал я, пожимая его огромную мясистую руку.

Что касалось швейцарцев, то для них он являлся отпетым преступником. Он, например, выехал из отеля не расплатившись, что в Швейцарии рассматривается как тягчайший проступок, предусмотренный даже в отдельной статье их уголовного кодекса. Он всем создавал неудобства, вел себя беспокойно, не имел никаких средств, а его западногерманский паспорт не выдержал проверки на подлинность, хотя об этом швейцарцы предпочитали помалкивать, поскольку поддельный паспорт уменьшал их шансы спокойно передать его под юрисдикцию другого государства. Его подобрали на улице пьяным, дома у него не было, хотя он во всем обвинял какую-то девушку. В драке он сломал кому-то челюсть. А теперь настоял на встрече со мной с глазу на глаз.

– Вы британец? – спросил он по-английски, явно желая скрыть содержание нашей беседы от швейцарцев, хотя те владели английским гораздо лучше его.

– Да.

– Могу я увидеть доказательства, если вам нетрудно?

Я показал ему свое официальное удостоверение личности, где именовался вице-консулом по экономическим вопросам.

– Вы работаете на британскую разведку? – спросил он.

– Я работаю на британское правительство.

– Хорошо-хорошо, – сказал он и, словно им внезапно овладела смертельная усталость, уронил голову на руки.

При этом прядь длинных светлых волос упала ему на лоб, и он откинул ее назад. Его лицо было покрыто рубцами и шрамами, как у профессионального боксера.

– Вам доводилось сидеть в тюрьме? – спросил он, разглядывая исцарапанную поверхность белого стола между нами.

– Слава богу, пока нет.

– Господи, вот счастливчик! – воскликнул он, а потом на достаточно скверном английском поведал мне свою историю.

По национальности он был латышом, родившимся в Риге в семье, имевшей латышские и польские корни. Владел латышским, русским, польским и немецким языками. И считал своим призванием морскую стихию, что я почувствовал в нем сразу, потому что сам считал себя опытным моряком. Его отец и дед служили матросами, а он сам оттрубил шесть лет в советском военно-морском флоте, плавая в арктических широтах из Архангельска, а потом в Японском море, когда его перевели во Владивосток. Год назад он вернулся в Ригу, купил небольшую лодку и занялся перевозкой контрабанды вдоль балтийского побережья, переправляя дешевую русскую водку в Финляндию с помощью скандинавских рыбаков. Был пойман и посажен в тюрьму в окрестностях Ленинграда, бежал, пробрался в Польшу, где некоторое время жил в Кракове на нелегальном положении с польской студенткой. Я пересказываю вам его собственные слова, а потому переход польской границы выглядит таким же пустяковым делом, как для вас сесть в автобус или зайти в паб на кружку пива. Но даже при моем весьма поверхностном знании всех возникавших при этом сложностей я понимал, что ему удалось совершить почти невероятное. А тем более когда ему пришлось пересечь границу другого государства еще раз. Произошло это потому, что девушка бросила его, собираясь выйти замуж за швейцарского торгового агента. Тогда Брандт вернулся на побережье, нашел способ добраться до Мальме, затем до Гамбурга, где жил его троюродный брат, то есть совсем уж дальний родственник. Причем кузен не признал никакого родства с гостем и послал его куда подальше. Ему пришлось украсть паспорт кузена и направиться на юг, в Швейцарию, поскольку его переполняла решимость вернуть польскую возлюбленную. А когда муж отказался отпустить ее, тут-то Брандт и свернул ему челюсть, после чего очутился здесь, в швейцарской тюрьме.

Поскольку он по-прежнему говорил со мной только по-английски, я поинтересовался, где он сумел овладеть языком. Слушая курсы Би-би-си по радио, пока занимался контрабандой, объяснил он. И еще немного от той самой девушки, которая как раз избрала своей специальностью иностранные языки. Я по глупости принес ему пачку сигарет, и он принялся высаживать их одну за другой, быстро превратив небольшое помещение в подобие газовой камеры.

– Так какой же информацией для нас вы располагаете? – спросил я.

Будучи латышом, начал Брандт с преамбулы, он не чувствовал, что чем-то обязан Москве. Он вырос под гнетом русской тирании в Латвии, служил во флоте под командованием мерзких русских офицеров, всегда ощущал на себе презрение русских в целом, а потому не испытывал угрызений совести, предавая их. Русских он ненавидел. Я попросил его перечислить названия судов, на которых он плавал, что он сделал весьма охотно. Я спросил его о том, какое оружие имели на борту те корабли, и он описал мне самые современные виды вооружений, какими они только могли располагать в те годы. Получив от меня листы бумаги и карандаш, он смог выполнить удивительно тщательные рисунки. Я спросил, что он знал об их системе сигналов. Оказалось, очень много. Он приобрел квалификацию сигнальщика и использовал новейшие приборы, пусть с тех пор и минуло больше года. Потом я спросил:

– Почему вы обратились именно к британцам?

Он ответил, что познакомился в Ленинграде «с двумя отличными парнями» – матросами с британского судна, посетившего город с визитом доброй воли. Я записал их имена, название корабля, вернулся к себе в офис и отправил срочную телеграмму в Лондон, поскольку в нашем распоряжении оставалось всего несколько часов до того, как швейцарцы готовы были вышвырнуть парня из своей страны. И уже следующим вечером «морской капитан» Брандт подвергся весьма жесткому допросу на явочной квартире в Суррее. Перед ним вырисовывалась перспектива обеспечить себе карьеру, хотя и достаточно опасную. Он знал каждую отмель, каждый самый маленький залив вдоль южного побережья Балтики. Располагал широким кругом приятелей среди простых рыбаков-латышей, дельцов черного рынка, воров и прочих представителей преступного мира. То есть он мог дать Лондону то, что мы вынуждены были искать после понесенных не так давно потерь, – шанс открыть новую линию секретной передачи материалов из северной части России через Польшу в Германию.

Здесь мне придется сделать отступление и рассказать вам о моем собственном положении в Цирке и попытках продолжать работать в нем.

После случая с Беном я оказался в весьма щекотливой ситуации и какое-то время мог лишь гадать, получу повышение или буду уволен. Лишь сейчас я понял, что, вероятно, нахожусь в гораздо большем долгу перед Смайли за его негласное вмешательство в мою судьбу, чем предполагал тогда. Если бы принимать решение мог один главный кадровик, едва ли я остался на службе дольше пяти минут. Я нарушил все правила содержания под домашним арестом, скрыл информацию о связи Бена со Стефани, и пусть я даже не подозревал об амурном послании Бена, оно все равно бросало тень на мою репутацию. Так что к черту такого сотрудника! – рассуждал бы начальник отдела кадров.

– Мы тут посоветовались и подумали, что вам может понравиться ответственная должность в Британском совете, – сообщил мне кадровик с гаденькой улыбочкой во время встречи в его кабинете, когда мне не предложили даже чашки чая.

Но Смайли вовремя вступился за меня. Потому что Смайли, во-первых, умел разглядеть подлинные качества человека вопреки его импульсивности, а во-вторых, Смайли командовал чем-то вроде собственной, хотя и не слишком многочисленной, армией секретных агентов, разбросанных по странам Европы. А еще одной причиной моей реабилитации (хотя даже Смайли не знал в те дни всех деталей) стала деятельность предателя Билла Хэйдона, чья лондонская резидентура быстро становилась монополией, подминавшей под себя многие операции Цирка по всему миру. И пусть проницательный взгляд Смайли не сфокусировался пока на Билле, он уже убедился, что в недра Пятого этажа сумел проникнуть вражеский лазутчик, обычно именуемый кротом, а потому начал подбирать команду из офицеров, достаточно молодых и обладавших ограниченным доступом к секретным материалам, что не позволяло подозревать в чем-либо их самих. К счастью, подошла и моя кандидатура.

Но сначала несколько месяцев я пребывал в подвешенном состоянии – меня посадили в большой кабинет в задней части здания, где я давал оценку не слишком важным сведениям и писал рапорты для мелких чиновников Уайтхолла. Не имея ни единого друга, я тосковал в одиночестве и всерьез задумывался, уж не собирается ли главный кадровик окончательно сгноить меня на пустяковой работе, когда, к моей величайшей радости, я был вызван в его офис, где в присутствии Смайли получил назначение на второй по значимости пост в Цюрихе. Причем моим начальником становился старый служака по фамилии Эддоуз, который сразу объявил принцип, подготовленный им для меня: он бросит молодого сотрудника в воду, а тот пусть утонет либо выплывет.

Уже через месяц я обосновался в небольшой квартире в Альтштадте, работая круглые сутки восемь дней в неделю. На моем счету скоро был советский военно-морской атташе в

Женева, любивший Ленина, но еще больше обожавший французских стюардесс, чешский торговец оружием из Лозанны, уязвимым местом которого оказалась больная совесть: он переживал духовный кризис, понимая, что снабжает оружием и взрывчаткой террористические организации. Я завербовал албанского миллионера с шале в Санкт-Морице, оказавшегося готовым с риском для жизни вернуться на родину, чтобы сделать нашими агентами практически всех своих бывших слуг, и очень нервного восточногерманского физика, проходившего практику в Институте Макса Планка в Эссене, где он тайно обратился в католичество. Я организовал очень красиво спланированную операцию по установке скрытых микрофонов в здании польского посольства в Берне и прослушивание телефонных переговоров пары венгерских шпионов в Базеле. К тому же я вообразил себя серьезно влюбленным в Мейбл, которую недавно перевели в отдел проверки, и это громко отпраздновали в баре для младшего офицерского состава.

Я был счастлив, что оправдал доверие, оказанное мне Смайли, поскольку благодаря моим усилиям в Швейцарии и его настойчивой политике в головном офисе, где стали строго следить, чтобы информация попадала только по назначению, мы сумели не просто собрать немалое количество ценных разведданных, но и передать их людям, действительно в этом нуждавшимся. Вы удивитесь, если узнаете, как редко удавалось прежде работать именно по такой жизненно важной для соблюдения секретности схеме.

Так мы сотрудничали два года, пока не открылась вакансия в Гамбурге. Пост предназначался только для одного сотрудника, подчинявшегося напрямую лондонской резидентуре, постепенно ставшей подлинным центром проведения почти всех операций нашей службы. И совершенно неожиданно я получил от Смайли великодушное благословение выдвинуть свою кандидатуру, какие бы возражения ни вызывали у него самого неуклонно расширявшиеся полномочия Хэйдона. Я ловко сработал. Вел себя с главным кадровиком почтительно. Напомнил ему о своей службе в военно-морском флоте. Намекнул, не тратя лишних слов, что меня сковывают старомодные и излишне осторожные методы Смайли. И это сработало. Он сделал меня резидентом в Гамбурге под руководством Хэйдона, и ту же ночь после романтического ужина в «Бьянкиз» мы с Мейбл провели в одной постели, что стало первым опытом для нас обоих.

А мое ощущение собственной правоты только еще более усилилось, когда, просматривая список новых агентов, я с радостным удивлением обнаружил некоего Вольфа Дитриха, известного прежде как «морской капитан» Брандт, в роли одной из ведущих фигур среди своих подчиненных. Речь сейчас идет о конце шестидесятых годов. Оставалось еще три года до разоблачения Билла Хэйдона.

В Гамбурге всегда было приятно ощущать себя англичанином, но теперь город превратился еще и в идеальное место для шпионажа. После озерного спокойствия Цюриха Гамбург, казалось, бурлил энергией, которой наполнял его свежий морской воздух. Древние ганзейские связи с Польшей, северной Россией и другими прибалтийскими государствами во многом оставались еще живы. Процветала коммерция, активно работали банки. Разумеется, то же можно было отнести и к Цюриху, но здесь широкие возможности открывало еще и судоходство. Город кишел иммигрантами и всевозможными авантюристами. В Гамбурге ты мог позволить себе быть дерзким и нахальным, не опасаясь обвинений в вульгарности. Это общепризнанная столица немецкой проституции и прессы. А рядом простирались таинственные низины Шлезвиг-Гольштейна с их косыми ливнями, красными фермерскими домиками, зелеными полями и почти всегда окутанным облаками небом. Каждый из нас имеет свою цену. И по сей день мою душу можно купить за кувшин сваренного в Любеке пива, порцию соленой селедки и стаканчик шнапса после долгой прогулки среди мостов и дамб.

И во всем остальном работа приносила только удовлетворение. Я был Недом – консульским представителем по вопросам судоходства. Базировался в скромной конторе в миленьком кирпичном коттедже с медной табличкой на двери – достаточно прилично для ответственного работника, но в то же время как бы совершенно отдельно от генерального консульства. Всю работу «под крышей» выполняли два клерка, присланных в командировку адмиралтейством и умевших молчать. У меня имелось радио и был шифровальщик из Цирка. Хотя мы с Мейбл не успели пока обручиться, наши отношения достигли той стадии, когда она неизменно оказывалась готова, стоило мне заглянуть в Лондон, предоставить свой дом как место для безопасной встречи и консультаций с самим Биллом или с одним из его заместителей.

Для свиданий с агентами я пользовался явочной квартирой в Веллингсбюттеле, окна которой выходили на кладбище, а располагалась она на втором этаже над цветочным магазином, его хозяева – пожилая немецкая супружеская пара – были нашими людьми еще со времен войны. Самую оживленную торговлю они вели по воскресеньям, а уже в понедельник к ним выстраивалась очередь из соседских детишек, желавших продать им обратно их же товар, реализованный накануне. Никогда мне не доводилось проводить операции в более безопасном месте. Катафалки, крытые фургоны и похоронные процессии тянулись по улице мимо нас на протяжении всего дня. Зато по ночам здесь было поистине тихо, как в могиле. Даже такой экзотический тип, как мой бывший «морской капитан», никому не бросался в глаза, если он надевал темный костюм и шляпу, заходил в арку магазина и, помахивая портфелем коммивояжера, поднимался по ступенькам к невинной с виду двери с лаконичной надписью *Büro*.

Для удобства я продолжу именовать его Брандтом. Он был из тех, кто мог менять имена и фамилии хоть сто раз, но настоящее всегда имел только одно.

Подлинной жемчужиной в моей короне стала тогда «*Margerite*» – или, как мы окрестили ее на английский лад, «Маргаритка». Пятидесятифутовая рыбацкая шхуна с наборной обшивкой, превращенная в прогулочную яхту с рубкой штурвального, с кают-компанией и четырьмя спальными местами в носовом кубрике. Чтобы удерживать от слишком сильной бортовой качки, судно оборудовали бизань-мачтой и парусом. Корпус покрасили в темно-зеленый цвет с чуть более светлым зеленым планширом, а крышу рубки сделали белой. Шхуну явно построили не для скоростного передвижения, а для тайных операций. При сумрачном освещении и небольшом волнении на море ее было трудно разглядеть с берега невооруженным глазом. При небольшой высоте мачты и надстройки она почти плоско лежала на воде и выглядела совершенно невинно на экранах радаров, если в штормовую погоду ее различали вообще. А Балтийское море коварно. Мелкое, не имеющее периодов приливов и отливов. Но даже при не слишком сильном ветре на нем поднимались крутые и грозные волны. При скорости десять узлов и работающем на полную мощность двигателе «Маргаритка» то погружалась носом в воду, то норовила опрокинуться, как свинья в грязь. Единственным скоростным придатком к ней был четырнадцатифутовый «Зодиак», выдаваемый за спасательную шлюпку и закрепленный на крыше рубки, но оборудованный подвешенным мотором мощностью пятьдесят лошадиных сил. Именно он доставлял агентов на борт, а потом спешно возвращал на берег.

Если «Маргаритка» не выходила в море, то простаивала у причала в старинной рыбацкой деревушке Бланкенезе в устье Эльбы, всего в нескольких милях от Гамбурга. Она казалась там одной из многих подобных шхун, если не скромнее остальных, что было нам только на руку. При необходимости она могла быстро подняться из Бланкенезе вверх по течению реки до Кильского канала, а потом тихо тащиться на своих пяти узлах остававшиеся шестьдесят миль до открытого моря.

Судно было оборудовано навигационной системой «Декка», считывавшей информацию с береговой станции, но и в этом не было ничего необычного – такими приборами пользовались все. Ни внутри, ни снаружи не находилось ничего, что не соответствовало бы ее неброскому внешнему виду. Каждый из трех членов экипажа мог выполнять любую обязанность моряка. Никакого разделения на специальности, хотя у них имелись свои пристрастия. Когда же нам требовались услуги настоящего специалиста для навигации или ремонта, то всегда могли прийти на помощь корабли британского военно-морского флота.

Как видите, имея новую, полную энергии руководящую группу в лондонском головном офисе, широкий выбор возможностей, чтобы проявить свою изобретательность, и «Маргаритку» с экипажем в подчинении, я располагал всем, о чем только может мечтать резидент, влюбленный к тому же в солоноватый запах морской воды.

И разумеется, у меня под рукой всегда был Брандт.

Два года, проведенные Брандтом под флагом Цирка, изменили его так, что мне даже трудно сразу подобрать слова для описания этих изменений. Он не постарел, не закалился, не стал более жестким, но, по моим наблюдениям, приобрел крайне утомительные для меня постоянную тревогу и напряженность, которые мир секретных служб навязывает порой даже самым благодушным и легкомысленным из своих обитателей. Мы встретились после долгой разлуки на явочной квартире. Он вошел. Замер на пороге и пристально посмотрел на меня. После чего открыл рот и издал громкий ликующий крик, воплотивший всю радость узнавания. Он схватил меня за руку с чудовищной силой, грозя сломать или вывихнуть ее. Я смеялся почти до слез, когда он обнимал меня. Он отстранялся, чтобы бросить новый взгляд, и снова прижимал меня к своему черному плащу. Но столь бурная демонстрация радости при встрече, казавшаяся спонтанной, на самом деле выдавала его настороженность и чрезмерную бдительность. Мне ли было не распознать этого? Я неоднократно замечал схожие проявления и у других агентов.

– Черт бы их побрал, почему мне никто ничего не рассказывает заранее, герр консул? – восклицал он, продолжая обнимать меня. – В какую странную игру они там играют? Послушайте, мы ведь выполняем здесь дьявольски полезную работу, верно? У нас подобралась отличная группа, и мы всегда можем взять верх над треклятыми русскими, правильно я говорю? Разве они не знают об этом?

– Я тебя понял, – со смехом отвечал я. – Ты абсолютно прав.

Той же ночью он настоял, чтобы я пристроился среди смотанных веревок в задней части его грузового микроавтобуса, и на головокружительной скорости повез меня в отдаленный фермерский дом, приобретенный для него Лондоном. Ему не терпелось познакомить меня со своей командой, что представлялось необходимым и мне самому. Но еще больше я хотел взглянуть на его подружку Беллу, поскольку начальство в Лондоне несколько обеспокоило недавнее появление этой женщины в жизни Брандта. Ей было двадцать два года, и она жила с ним уже три месяца. Впрочем, Брандт в свои пятьдесят выглядел молодцом. Помню, происходило все в разгар лета, и в фургоне пахло фрезиями, потому что он успел купить на рынке букет для нее.

– Она лучшая из всех девушек на свете, – с гордостью сообщил он мне, когда мы входили в дом. – Отлично готовит, умело занимается любовью, изучает английский – лучшая, с какой стороны ни взгляни. Привет, Белла, я привез тебе нового друга!

Художники и моряки обустривают свои жилища в схожей манере, и дом Брандта не был исключением из правила. Скучно обставленный, но уютный, с кирпичными полами и низкими белыми потолками. Даже в темноте он, казалось, притягивал к себе некий источник внешнего света. Прямо с порога мы вошли в гостиную. В камине тлели остатки дров, а рядом с девушкой, которая лежала среди россыпи подушечек и читала, стояла корабель-

ная лампа. Услышав, как мы открыли дверь, девушка взволнованно вскочила с дивана. Двадцать два года, подумал я. А скоро, видимо, исполнится восемнадцать. Она с энтузиазмом трясла мою руку. На ней была мужская рубашка и очень короткие шорты. Золотой амулет сверкал на шее, объявляя всем, что Брандт был ее властителем: женщина, помеченная знаком владельца. Приятное славянское лицо, неизменно радостное, с ясными большими глазами, высокими скулами и намеком на улыбку даже в тот момент, когда губы оставались сомкнутыми. Обнаженные длинные ноги покрывал загар того же золотистого оттенка, какой имели волосы. Узкая талия, вздернутые вверх груди, но достаточно полные бедра. Это было очень красивое, но очень юное тело, и, что бы ни вбил себе в голову Брандт, возраст девушки был предельно далек от его собственного и даже от моего.

Она поставила букет фрезий в вазу, а потом выложила на стол черный хлеб, маринованные овощи и добавила бутылку шнапса. Каждое ее движение выглядело беззаботно-соблазнительным. И она либо знала об этом, либо вообще не ощущала провокационный вызов в малейшем своем жесте. За стол она села рядом с Брандтом, улыбнулась мне, а потом забросила руку ему через плечо, отчего вырез на ее рубашке заметно расширился. Затем Белла взяла руку капитана и показала мне, как контрастировала она с ее собственной изящной и маленькой ручкой, пока Брандт неумолчно и ни на что не обращая внимания рассказывал о сети агентов, открытым текстом называя имена и места, где они жили. А Белла продолжала откровенно оценивать меня взглядом.

– Прежде всего, – сказал Брандт, – нам необходимо снабдить Алекса другим радио. Вы слышите меня, Нед? Ему постоянно приходится ремонтировать свой приемник, покупать новые запчасти, батареи. Его прибор уже никуда не годится. С таким оборудованием можно однажды крупно погореть.

Когда зазвонил телефон, он ответил командирским тоном:

– Я сейчас очень занят. Это понятно? Оставь пакет у Стефана, как я и сказал. Кстати, ты разговаривал с Леонидасом?

Комната постепенно заполнялась новыми людьми. Первым вошел порывистый, кривоногий мужчина с обвислыми усами. Он нежно, но без намека на похоть поцеловал Беллу в губы, хлопнул Брандта по руке и положил себе в тарелку еды.

– Это Казимирс, – объяснил Брандт, ткнув приятеля в бок большим пальцем. – Он, конечно, свинья, но я люблю его. Понимаете?

– Отлично понимаю, – чистосердечно ответил я.

Насколько я помнил, три года назад Казимирс бежал через финскую границу, убив при этом двух советских пограничников, а еще его отличала страсть ко всем видам моторов. Для него было настоящим счастьем измазать руки машинным маслом по локти. Кроме того, в нем все признавали первоклассного корабельного кока.

После Казимирса явились братья Дурба – Антонс и Альфредс, – кряжистые и наглаватые, как валлийцы, и такие же голубоглазые, как Брандт. Братья когда-то дали клятву своей матери, что никогда не станут выходить в море вместе, а потому делали это поочередно. «Маргаритке» вполне хватало экипажа из трех человек, а четвертое место нам нравилось приберегать для лишнего груза или неожиданного пассажира. Вскоре все заговорили одновременно, засыпая меня вопросами, но не дожидаясь ответов, смеясь, произнося тосты, покупывая, вспоминая, строя секретные планы. Их последнее плавание получилось неудачным, очень плохим, сказал Казимирс. Это было три недели назад. «Маргаритка» угодила в дикий шторм у входа в Данцигский залив и лишилась мачты. А в районе побережья Латвии они к тому же не заметили в тумане ожидавшегося светового сигнала с берега, добавил Антонс Дурба. Пришлось выпустить ракету, и Бог не оставил их своей милостью, потому что на пляже их ожидала целая делегация сумасшедших латышей. Их встречали, как почетных гостей!

Дикий смех, тосты, а потом глубокое молчание, свойственное северным народам, когда все, кроме меня, предались одним и тем же печальным воспоминаниям.

– Помянем Вальдемарса, – произнес Казимирс, и мы выпили в память о Вальдемарсе – члене их группы, погибшем пять лет назад.

А когда все закончили, Белла неожиданно взяла свой стакан и выпила тоже, устроив как бы отдельную поминальную церемонию, но при этом глядя поверх ободка стакана прямо мне в глаза.

– За Вальдемарса, – тихо повторила она, и в ее печали было столько же притягательной силы, как и в улыбке.

Знала ли она Вальдемарса? Не был ли он прежде одним из ее возлюбленных? Или она просто пила в честь отважного соотечественника, отдавшего жизнь за правое дело?

Здесь, видимо, уместно рассказать вам немного о Вальдемарсе. Но не о том, мог ли он быть любовником Беллы, и даже не об обстоятельствах его смерти, поскольку их никто не знал. Нас лишь поставили в известность, что его сумели высадить на берег, но с тех пор его никто больше не видел. По одной из версий, он успел принять яд. Другая гласила, что он сам отдал своему телохранителю приказ застрелить его, если угодит в засаду. Однако телохранитель тоже бесследно исчез. И Вальдемарс стал не единственным, кто сгинул в тот период, который члены группы называли теперь «осенью предательства». В следующие несколько месяцев, когда подходили годовщины их смертей, мы поднимали поминальные чаши в честь еще четырех латвийских героев, исчезнувших непостижимым образом в то злосчастное время. Их доставили, как всем теперь стало ясно, не к партизанам в леса и не к связникам, дожидавшимся на берегу, а напрямую в лапы подчиненных шефа всех операций в Латвии, который базировался в Москве. И пока с крайней осторожностью мы в течение следующих пяти лет создавали новую сеть, шрамы от предательства продолжали мучить болью тех, кто тогда уцелел, о чем меня заранее побеспокоился предупредить Хэйдон.

– Мы имеем дело с кучкой беспечных недоумков, – сказал он со своим обычным пренебрежением к памяти погибших. – А если они не беспечны, то по меньшей мере двуличны. Не дай им обмануть себя напускной нордической флегмой и дружескими объятиями.

Я вспомнил его слова теперь, продолжая исподволь изучать Беллу. Иногда она слушала их разговоры, опустив подбородок на скрещенные кисти рук, могла положить голову на плечо Брандта, словно пытаюсь угадать его мысли, пока он строил планы и продолжал пить. Однако ее большие и ясные глаза непрестанно обращались в мою сторону. Она тоже пыталась понять, кто же такой этот англичанин, присланный, чтобы отныне руководить ими. А по временам, подобно пригревшейся на одном месте кошке, она отстранялась от Брандта, чтобы заняться собой: иначе скрестить ноги, подтянуть немного вниз задравшиеся шорты, заплести прядь волос в своего рода косичку или вытащить из ложбинки между грудей золотой амулет и рассмотреть его. Я ожидал заметить, не промелькнет ли между ней и кем-то из членов команды заговорщицкой искорки, но вскоре мне стало очевидно, что девушка Брандта в этом смысле была совершенно чиста. Даже излучавший энергию Казимирс обращался к ней с очень серьезным выражением лица. Она достала еще одну бутылку, села рядом со мной, завладела моей рукой и заставила выложить открытую ладонь на поверхность стола, вглядываясь в нее и одновременно что-то говоря по-латышски Брандту, который почти тут же разразился оглушительным смехом, подхваченным его друзьями.

– Знаете, что она сказала?

– Боюсь, я ничего не понял.

– Она распознала по вашей руке, что из англичан выходят очень хорошие мужья. И если я умру, она станет вашей спутницей жизни.

Белла сразу же вернулась к нему, тоже со смехом, и упала в его объятия. После этого она уже не смотрела на меня. Могло показаться, что у нее отпала в этом всякая необходи-

мость. Тогда я тоже перестал наблюдать за ней, а счел время самым благоприятным, чтобы вспомнить ее историю в том виде, в каком изложил Лондону «морской капитан» Брандт.

Она была дочерью фермера из деревни, располагавшейся возле Елгавы, которого тайная полиция застрелила, совершив внезапный налет на дом, где собрались на конспиративную встречу патриоты Латвии, рассказывал Брандт. Ее отец был основателем той подпольной группы. Полицейские хотели поставить к стенке и его дочь, но ей удалось бежать в лес, где она присоединилась к партизанскому отряду и группе беглых преступников. Там она пошла по рукам. Все лето ею поочередно пользовались, но, казалось, это нисколько не обозлило ее. Просто постепенно ей удалось узнать, каким образом добраться до побережья. Она проникла к берегу моря маршрутом, так и оставшимся неизвестным нам, сумела выйти на связь с Брандтом, который, даже не побеспокоившись предварительно уведомить Лондон, взял ее к себе жить. Она пришла в указанное место, где Брандт дожидался высадки нового радиста, прибывшего на смену прежнему – у того произошел нервный срыв. Радисты в любой разведгруппе строят из себя звезд эстрады. С ними вечно что-то случается: либо нервишки подводят, либо пристаёт какая-то серьёзная болячка, лишаящая их возможности продолжать работу.

– Великолепные парни! – восторженно отозвался о своей команде Брандт, когда вез меня обратно в город. – Они вам понравились?

– Они замечательные, – ответил я вполне искренне, потому что, по-моему, нигде не встретишь людей лучше, чем те, кто, как и ты, влюблен в морскую стихию.

– Белла хотела бы начать работать с нами. Она отчаянно стремится разделаться с теми, кто убил ее отца. Я пока говорю – нет! Она слишком молода. И я действительно люблю ее.

Очень яркая в ту ночь луна освещала плоские луга по обе стороны от дороги, и я видел его грубоватое лицо в профиль, напряженное так, словно он готовился встретить надвигающуюся штормовую волну.

– Но ведь ты знал его, – сказал я, неожиданно вспомнив еще одну известную мне подробность, прятанную прежде в глубинах памяти. – Ее отца, Феликса. Он был твоим другом.

– Разумеется, я знал Феликса! И его тоже любил. Это был выдающийся человек! А подонки погубили его!

– Он умер мгновенно?

– Его буквально изрешетили пулями. Пустили в ход автоматы «АК-47». Застрелили всех. Семерых человек сразу. Все приняли одинаковую смерть.

– Кто-нибудь видел, как это произошло?

– Только один парень. Он стал свидетелем, а потом сумел сбежать оттуда.

– Что случилось с трупами?

– Их забрала тайная полиция. Они ведь тоже боятся, эти гады из полиции. Не хотят, чтобы об их «подвигах» узнали. Расстреливают партизан, забрасывают тела в кузов грузовика и увозят черт знает куда.

– Насколько близок ты был с ним? Я имею в виду, с ее отцом?

Рука Брандта описала широкую дугу: жест, полный неопределенности.

– С Феликсом? Как же! Феликс был мне другом. Оборонял Ленинград. Потом попал в немецкий плен. Сталин таких не жаловал. Когда они возвращались из Германии домой, он отправлял их в Сибирь, там не всегда расстреливали, но обязательно создавали неприятности. А какого дьявола тебя это заинтересовало?

Дело в том, что в Лондоне стала известна совсем иная версия этой истории, пусть обсуждали ее пока только шепотом. Слух гласил, что отец как раз и был стукачом. Его завербовали в сибирском лагере и отправили обратно в Латвию, чтобы он проникал в группы Сопротивления. Он организовал ту встречу, поставив в известность своих хозяев, а сам затем

выбрался из дома через заднее окно в кухне, пока над остальными творили кровавую расправу. В награду его сделали председателем колхоза неподалеку от Киева, где он поселился под другой фамилией. Но кто-то все же опознал его и рассказал приятелю, тот передал рассказ дальше. Источник информации представлялся не слишком надежным, а проверка требовала продолжительного времени.

Но я был предупрежден. Мне следовало пристально наблюдать за Беллой и, возможно, опасаться ее.

Но я не только получил предупреждение. На мою голову свалились новые заботы. В следующие несколько недель я встречался с Беллой несколько раз, и после каждой встречи меня обязали писать отчет о моих впечатлениях, заполняя специальные бланки, присланные из Лондона. Резидентура настаивала, что это следовало делать после любого контакта с девушкой. Я снова встретился с Брандтом на явочной квартире, и он только усилил мою тревогу, привезя Беллу с собой. Она провела день в городе, объяснил он, и они вместе возвращались на ферму. Так почему бы и нет?

– Успокойтесь. Она ведь не знает английского языка, – напомнил он со смехом, заметив мою нервозность.

Я постарался завершить наши дела как можно скорее, пока она лежала на диване, улыбалась и слушала нас как будто одними глазами, но чаще обращала внимание на меня.

– Моя девочка прилежно учится, – гордо сказал Брандт, похлопав ее по попке, когда они собрались уезжать. – Однажды станет великим профессором. *Nicht wahr, Bella? Du wirst ein ganz grosser Professor, du!*

Еще неделей позже я провел негласную инспекцию «Маргаритки» у причала в Бланкенезе. И Белла снова была там в своих коротеньких шортах, бегая по палубе босиком с радостным видом, словно мы собирались отправиться в круиз по Средиземному морю.

– Ради всего святого! Мы не можем допускать девушку на борт! В Лондоне с ума сойдут, если узнают, – сказал я Брандту тем же вечером. – Как и экипаж. Ты же знаешь, как суеверны моряки по поводу женщин на кораблях. Сам ведь тоже моряк.

Но он отмел мои возражения. Мой предшественник ничего не имел против, заявил он, так с чего мне поднимать шум?

– Белла нравится парням, – упорствовал он. – Она их землячка, Нед, и всего лишь дитя. Бросьте! Им Белла заменяет семью.

Проверив старые досье, я обнаружил, что хотя бы отчасти он оказался прав. Мой предшественник – военно-морской офицер запаса – докладывал, что Белла «оказывала положительное влияние» на борту «Маргаритки», и считал ее «почти талисманом для судна». В отчетах о последних заданиях, для выполнения которых шхуна выходила в море, я между строк прочитал, что Белла неизменно являлась в гавань, чтобы помахать рукой на прощание, и, несомненно, всегда приветствовала благополучное возвращение судна.

Разумеется, правила оперативной безопасности во многом относительны. Я с самого начала не строил иллюзий, что все в организации Брандта окажется в строгом соответствии с тем, чему нас обучили в Саррате. Понимал я и то, что келейная атмосфера главного офиса содействовала восприятию нашей сложной системы кодовых имен, символов и сокращений как единственной возможной реальности. Но офисная рутина на Кембридж-серкус – это одно. А работа группы энергичных патриотов с Балтики, ежедневно рисковавших жизнью, – совсем другое.

Тем не менее постоянное присутствие не завербованной по всем правилам, не прошедшей никаких проверок девушки при разработке наших операций, ее осведомленность обо всех наших планах, присутствие при деловых беседах – такое даже для меня выходило за всякие мыслимые рамки. И все это происходило лишь через пять лет после того, как группа

пережила трагические последствия действий неизвестного предателя! Но чем сильнее становилась моя тревога, тем крепче, как казалось, выглядела привязанность к девушке самого Брандта. Причем он беззастенчиво демонстрировал это в моем присутствии, его ласки делались все более несдержанными. «Типичная влюбленность стареющего мужчины в молодую девицу», – сдержанно информировал я Лондон. Можно было подумать, что мне в прошлом доводилось наблюдать десятки аналогичных жизненных ситуаций.

А тем временем «Маргаритку» готовили к новой миссии, о которой нас собирались проинформировать позже. Два или даже три раза в неделю мне приходилось теперь приезжать на ферму после наступления темноты, а потом часами просиживать за столом, изучая лоции, прогнозы погодных условий и сводки последних наблюдений за работой береговой охраны. Иногда вместе со мной собирался весь экипаж, а порой мы оставались вдвоем. Брандту было все равно. Он постоянно прижимал к себе Беллу, словно они переживали расцвет любовных отношений, гладил ее по волосам и шее, а однажды забылся настолько, что сунул руку ей под рубашку и взялся за обнаженную грудь, сопровождая это крепким поцелуем в губы. Но даже стремясь поспешно отвести глаза в сторону от этой сцены, я успел заметить, что взгляд Беллы все время был устремлен на меня. Она как будто хотела внушить мне: ей было бы куда приятнее, если бы на месте Брандта оказался я и принялся так же нежничать с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.